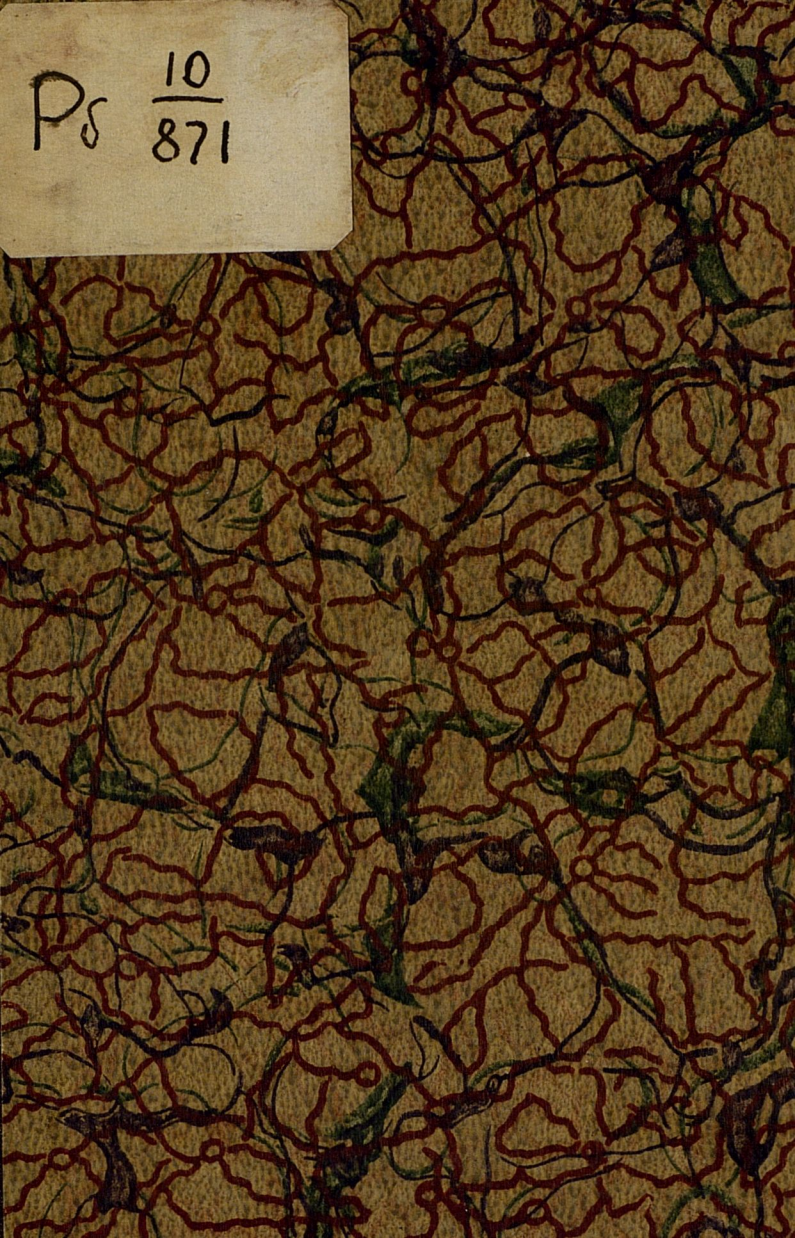
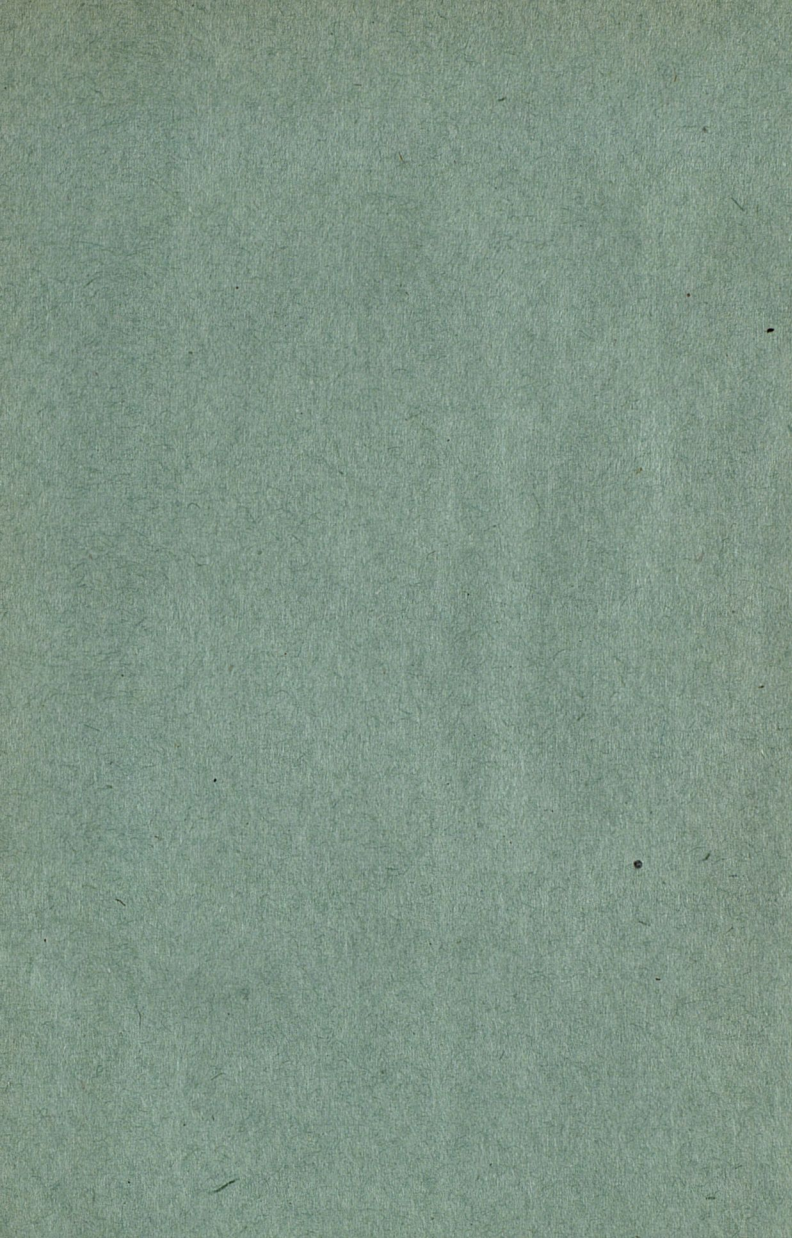

Ps $\frac{10}{871}$

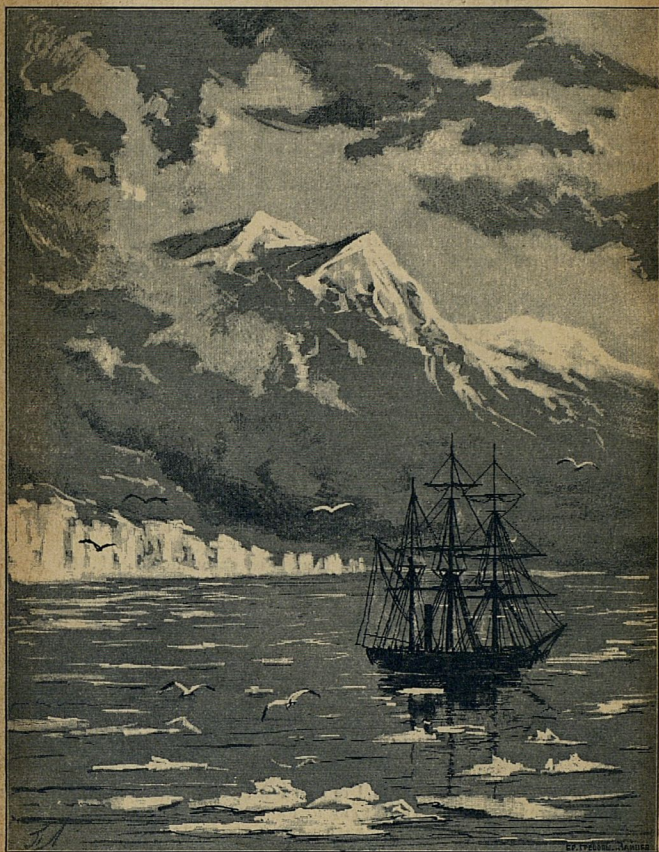
ДЛЯ НАРОДА, ШКОЛЬ И ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

3

10
84

Вас. Ив. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

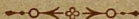
НОВАЯ ЗЕМЛЯ И ВАЙГАЧЬ.

Съ рисунками П. Е. Литвиненко.

Цѣна 30 к., въ папкѣ 40 к.

Издание 2-ое.

МОСКВА

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ,

изд. Д. П. ЕФИМОВЫМЪ.

Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

Ачкасовъ. Путешествіе Эльфа по кровеноснымъ сосудамъ человѣка. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Бѣлоусовъ. «Въ родныхъ поляхъ». Съ 35 рис. Ц. 20 к.

» «Птичья стайка». Съ рисунками. Ц. 25 к.

*) **Догановичъ, А.** «Шѣсенка маятника». Съ 36 рис. Ц. 40 к.

) **Кругловъ, А. «Жизнь». Разказы. Съ 40 рис. Ц. 40 к.

» **) «Красный звонъ» Сборникъ разказовъ. Ц. 50 к.

» *) «Пальмовая вѣтвь». Сборникъ разказовъ и стихотвореній. Съ 35 рис. Ц. 60 к.

***) **Левицкій, П.** «Андрейка Мытарь». Разказъ. Съ 37 рис. Ц. 25 к.

***) **Любичъ-Кошуровъ, І. А.** «Души живыя». Очерки и разказы. Съ 22 рис. Ц. 30 к.

» *) «Дядя Вакъ». Разказъ. Съ 30 рис. Ц. 30 к.

» *) «Канарейка». Разказъ. Съ 17 рис. Ц. 20 к.

» *) «Ворона и ея знакомые». Съ 45 рис. Ц. 40 к.

» ***) «Ничипоръ Бородай». Съ 23 рис. Ц. 30 к.

» «Картинки современной жизни». Съ 37 рис. Ц. 35 к.

» «Рыцарь большого меча». Ц. 30 к.

» «На зарѣ». «Сонъ въ руку». Ц. 20 к.

» «Пѣтухъ Османка». Съ рисунками. Ц. 25 к.

) **Поливанова, Е. «Находка». Разказъ. Изд. 3-е. Съ 18 рис. Ц. 25 к.

) **Перелыгинъ, Н. И. «Божья мысль». Разказъ изъ украинскаго быта. Съ 25 рис. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

» *) «Черевички». Повѣсть. Съ 21 рис. Ц. 20 к.

» ***) «Неожиданный гость». Съ 11 рис. Ц. 20 к.

» «Рыбакъ и его дочка». Ц. 25 к.

» «Любящая душа». Переводъ съ малорос. Ц. 25 к.

Рождественская, А. «Маленькая подвижница». Съ рисунками. Перев. съ англ. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

» «Неожиданная помощь». Два разказа. 1) Добрая Фея. 2) Генераль Вигго. Перев. съ англ. Съ рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Радичъ. Богданъ Хмѣльницкій. Съ рисунками. Ц. 50 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. «Филимоша». Съ 22 рис. Ц. 30 к.

Тепловъ. «Голубятники». «Арапка». Ц. 30 к.

***) **Федоровъ-Давыдовъ, А. А.** «Заячье счастье». Разказы. Съ 33 рис. Ц. 25 к.

*) Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета М. Н. Пр. допущены въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ таковыя же младшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

**) Особ. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущены въ ученическ. библ. низшихъ училищъ и въ безплатн. народн. чит. и библіотеки.

***) Особ. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущены въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ДЛЯ НАРОДА, ШКОЛЬ И ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Вас. Ив. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

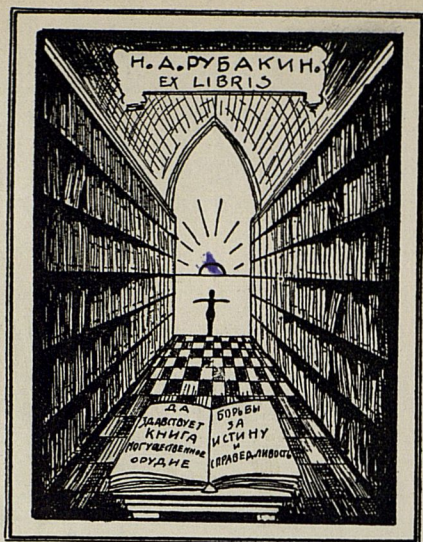
Новая Земля и Вайгачъ.

Съ рисунками *П. Е. Литвиненко.*

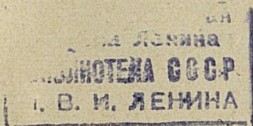
Издание 2-ое.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО СКЛАДА
Д. П. ЕФИМОВА.

Москва, Большая Дмитровка, домъ Бахрушиныхъ.

Дозволено цензурою. Москва, 23 Ноября 1902 года.

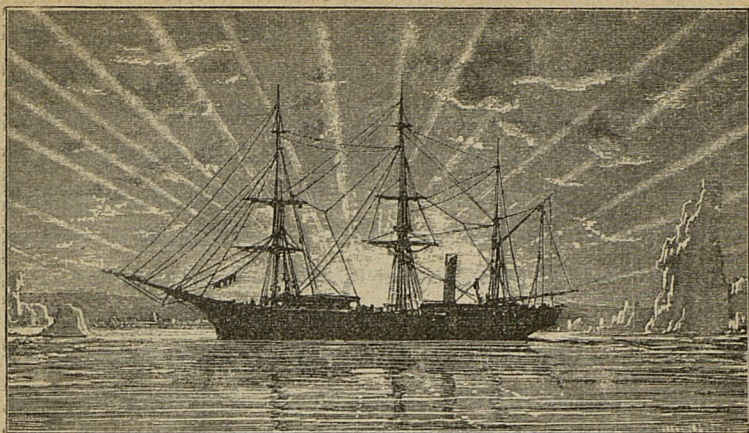
66399-48

2007465975

МОСКВА.

Типография М. Борисенко, Бол. Дмитровка, д. Дворянского Собранія.

I.

Новая Земля.

Только у насъ могутъ относиться такъ равнодушно къ малоизвѣстнымъ пустынямъ русскаго Сѣвера и Сибири. Только мы можемъ допускать, что весьма важные притоки рѣки Печоры и береговья рѣки, впадающія въ Сѣверный океанъ въ предѣлахъ, на примѣръ, Архангельской губерніи, обозначаются точками, да и опредѣленно нанесенныя на карту представляютъ иное теченіе. Спросите у кого угодно: что такое Новая Земля, и, за немногими исключеніями, поставите вопрошаемаго въ глупѣйшее положеніе. При этомъ, разумѣется, вспомнится, что-то изъ учебниковъ географіи, мелькнетъ въ

памяти нѣчто изъ давно прочитанной и тотчасъ-же позабытой статьи,—но, въ сущности, ни одного основательнаго свѣдѣнія, ни одного вѣрнаго и осмысленнаго факта. О полномъ пониманіи и представленіи этого тысячеверстнаго острова, залегающаго въ неоглядную глушь полярнаго океана, — и толковать нечего. Еще упрекають русскихъ въ чрезмѣрномъ патріотизмѣ! Помилуйте, да какой патріотизмъ ограничивается одною фразой да глупымъ ломаніемъ будто бы народнаго, а въ сущности питеино-кабацкаго языка! На дѣлѣ же мы и о землѣ Русской имѣемъ самое смутное, самое отдаленное понятіе. Знаемъ, что гдѣ-то есть что-то, знаемъ, что край нашъ великъ и обиленъ, а чтó именно заключается въ этомъ величій и обиліи—неизвѣстно. Мнѣ самому случилось видѣть, въ какомъ положеніи былъ *русскій* академикъ, котораго въ маленькомъ прусскомъ городкѣ сталъ спрашивать о Россіи любознательный нѣмецъ. Оказалось, что мудрый, имѣющій ученую степень россъ только знаетъ въ своемъ отечествѣ, что Петербургъ, а въ Петербургѣ—Невскій, Литейную да Гороховую. Зато нѣмецъ оказался знатокомъ нашей исторіи и этнографіи. Другой разъ великосвѣтская барыня изумила меня рассказомъ о томъ, что наши сибирскіе казаки назвали одну изъ

главнѣйшихъ рѣкъ Сибири въ честь именно греческаго бога—Купидономъ. Оказалось, впрочемъ, что она подразумѣвала рѣку Амуръ, и мнѣ пришлось разубѣдить ее въ миѳологическихъ познаніяхъ первыхъ колонизаторовъ въ Сибири. Не мѣшало бы какъ можно чаще знакомить съ русскими окраинами, особенно сѣверными.

Итакъ — впередъ!

Впередъ, въ ту малоизвѣстную глушь, въ ту необитаемую пустыню, каменистые берега которой мало-по-малу удабриваются трупами нашихъ промышленниковъ, смѣло пускающихся на опасный промыселъ за тысячи верстъ отъ дорогихъ людей, дорогой семьи, отъ теплаго роднаго угла, на утлой щепкѣ, одиноко теряющейся въ подавляющемъ просторѣ Сѣвернаго моря. Впередъ! Переиспытаямъ всѣ ощущенія, всѣ встрѣчи, всѣ испытанія, ожидающія на берегахъ Новой Земли отважнаго морехода. На нашей сторонѣ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что мы совершимъ это опасное плаваніе, сидя въ покойномъ креслѣ, у весело сверкающаго камина, а не на гребняхъ пѣнистыхъ валовъ, бѣгущихъ съ дикимъ ревомъ по безграничному океану, распустивъ по вѣтру свои бѣлыя гривы, словно безчисленные табуны нашихъ неоглядныхъ южно-русскихъ равнинъ.

Видъ Новой Земли.

Сѣвъ въ Архангельскѣ на небольшую поморскую шкуну и оставивъ за собою Новодвинскую крѣпость, вы при благопріятномъ вѣтрѣ быстро выйдете въ открытое море. Подвигаясь далѣе къ сѣверу вдоль Зимняго берега, вы минуете островъ Сосновецъ и Крюковъ-Носъ съъ другой стороны и, спустя два дня, проскользнете черезъ Бѣломорское горло, между Святымъ-Носомъ и мысомъ Канинымъ—въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Тутъ-олько середина этого опаснаго плаванія. Черезъ нѣсколько дней вправо отъ васъ останется островъ Калгуевъ, куда иногда судно прибываетъ теченіемъ, причемъ, разбейся оно, то экипажъ погибнетъ, если, разумѣется, ему не удастся наткнуться на промышляющую партію самоѣдовъ. Но мы съ вами благополучно миновали всѣ опасности но вой Одиссеи и спустя мѣсяць или полтора, считая со дня выхода изъ гавани,—пристаемъ къ безлюдному каменистому берегу громадной Новой Земли.

Глушь.... пустыня.... безмолвіе....

На тысячи верстъ раскинулся этотъ континентальный островъ, то уходя въ глухо шумящіе валы океана отвѣсными стѣнами мрачнаго камня, сквозь вертикальныя трещины котораго неудержимо несутся ревущіе потоки, то опускаясь къ тихимъ и безмятежнымъ заливамъ

песчаными и мѣловыми отложениями. Изрѣдка въ ихъ глубинѣ чернѣетъ убогая губа, гдѣ иногда останавливаются зимующіе здѣсь промышленники. Чаше вамъ встрѣтятся нѣсколько крестовъ группами. Здѣсь подѣ кое-какъ наброшенными курганами, въ промерзлой землѣ покоятся погибшіе отъ цынги и скорбута промышленники. Пріѣзжайте сюда осенью въ ясную, лунную ночь, и васъ поразитъ угрюмовеличавая картина этого длиннаго, безконечно длиннаго берега. Крутыя сѣрыя скалы мощно поднимаются изъ морской бездны. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше и выше возносятся ихъ дикія и мрачныя вершины. Ползучая зелень изъ расщелинъ стелется по холодной поверхности гранитныхъ массъ. Кое-гдѣ жалкія, сухія былинки треплются вдоль черныхъ трещинъ откоса, серебряныя пятна лишайника матовымъ блескомъ выдѣляются при яркомъ свѣтѣ мѣсяца на агатовомъ фонѣ голаго камня. А тамъ далеко, далеко внизу ворчитъ и злостно вздымается пѣнистое море, словно подѣ каменною пятою гиганта, въ послѣдней агоніи своей, неровно дышетъ и мучительно хрипитъ грудь побѣжденнаго титана.

Тутъ колыбель полярнаго моря. Какъ отчетливо рисуется этотъ берегъ передъ глазами случайнаго морехода! Вотъ круглый, похожій на

феодальную башню, утесъ. Такія башни и теперь еще попадаются въ бретонскихъ долинахъ. Онъ смѣло выдвинулся впередъ въ морскую даль — на борьбу съ величавою стихіей. Вотъ извилистые гребни разрушенныхъ скалъ изъ вывѣтрившагося камня. Словно базальтовые столбы, жмутся они одни къ другимъ, крутыми лѣстницами, террасами и площадками сходя внизъ. Они тянутся далеко, далеко. Издали они похожи на разбитые бомбами стѣны и дома осажденнаго города. Какъ будто уцѣлѣвшая между ними колоколенка, взбѣжавъ кверху, сіяетъ въ лунномъ свѣтѣ острый каменный шпигль. Высоко въ голубой лазури теряется его холодная вершина. Когда же октябрьское или ноябрьское сѣрое небо низко нависнетъ надъ этою безпріютною стороною, ни одна тучка не проползетъ мимо, не оставивъ своихъ сѣрыхъ влажныхъ клочьевъ на этомъ утесѣ. Когда бѣшеная буря реветъ и мечется, хватывая и дикій берегъ, и дикое море цѣлымъ хаосомъ смятенныхъ, безформенныхъ тучъ, когда, какъ отклики невидимыхъ легионовъ, съ юга на сѣверъ, съ востока на западъ несется мощный громъ, заставляя дрожать эти гранитныя нѣдра, вершины утеса и привлекаетъ, и отбрасываетъ цѣлые снопы сіяющихъ ослѣпительнымъ глубокимъ свѣтомъ молній. Безчисленные ме-

теоры разрываются тамъ, наполняя всю окрестность своимъ грозовымъ трескомъ... Потухнуть молніи передъ новымъ ударомъ и кажется, что надъ острою вершиною каменнаго шпица скользять во мракъ какіе-то чудовищные фантомы, словно надъ нимъ вздымаются и носятся духи бури, избравъ своимъ престоломъ этотъ одинокій конусъ. Оттуда они какъ будто шлютъ свои боевые сигналы и небеснымъ амфибіямъ—гучамъ и морю, и невидимымъ дружинамъ, безпощадно сталкивающимся въ боевую толчею среди неогляднаго, тьмою окутаннаго небеснаго простора. Но какъ тихъ и покоенъ этотъ сумрачный берегъ въ ясные дни и ясныя ночи! Какъ ясно сверкають, какъ быстро тухнуть и вновь вспыхивають серебрянымъ свѣтомъ его каменные площадки и откосы подъ перебѣгающимъ, неровнымъ свѣтомъ полярнаго сіянія, на бѣломъ сегментѣ котораго таинственно рисуются фантастическія очертанія далекихъ скалъ и гребней! Только ворчливый рокоть Сѣвернаго океана нарушаетъ торжественную тишь этой безлюдной ночи. Тамъ, далеко внизу—тамъ борьба и жизнь, а здѣсь спокойствіе и миръ... здѣсь—смерть!..

Ознакомившись съ первыми впечатлѣніями, производимыми Новою Землею, перейдемъ къ ея географіи.

Положеніе острова и берега его.

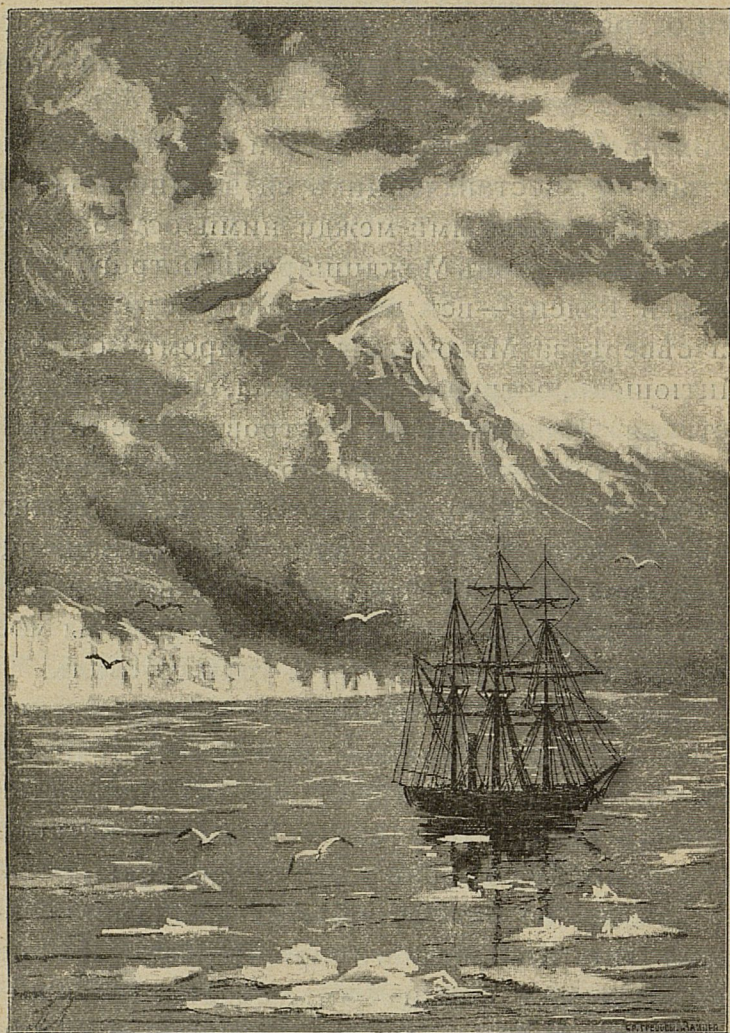
Новая Земля лежитъ между 70 и 77° с. шир. На западѣ крайняя точка ея достигаетъ 51 $\frac{1}{2}$ ° в. д. отъ Гринвича. Ея протяженіе на востокъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ оно опредѣляется далеко не одинаково; извѣстно только, что сѣверо-восточный край этого острова во всякомъ случаѣ не заходитъ далѣе 79°. Хорошо изслѣдованы мореплавателями западные берега Новой Земли, остальные же на картахъ означаются точками, начиная отъ мыса Нассау, далѣе котораго не пойдетъ ни одно судно.

Новая Земля раздѣляется на двѣ неравныя части: меньшую, южную—до Маточкина Шара, и большую, сѣверную—отъ Маточкина Шара. Свенске въ своемъ описаніи Новой Земли, говоритъ, что названіе этого пролива произошло отъ слова — *маточка* (маленькій компасъ). Это неправда: Маточкинъ Шаръ называется *маточкиннымъ* въ отличіе отъ другихъ мелкихъ ново-земельскихъ шаровъ, такъ, какъ онъ пересѣкаетъ всю *Матку*, то есть матерую землю этого архипелага. Новая Земля составляетъ какъ бы дальнѣйшее продолженіе отрасли Уральскихъ горъ—хребта Пай-хо. Между нею и сѣверными отраслями послѣдняго лежитъ только островъ Вайгачъ, гористый и по строенію своему дѣ-

лающей эту гипотезу весьма вѣроятной. Два эти острова одинъ отъ другого отдѣляются Карскими воротами — проливомъ въ 12 миль шириною.

Вдоль береговъ Новой Земли лежитъ не мало острововъ, составляющихъ ея архипелагъ. Больше замѣчательными между ними острова Сахалинскіе, островъ Междущарскій, острова Храмова и Голецъ — всѣ въ южной части; затѣмъ на сѣверѣ за Маточкинымъ Шаромъ островъ Митюшевъ, островъ Вильгельма, островъ Берха, острова Панкратьевы, островъ Крестовый, острова Баренцовы и на крайнемъ сѣверѣ его Трехъ-островье. Восточные острова, за исключеніемъ острова Пахтусова и Мехреньгина, еще и не нанесены на карту. Кромѣ названныхъ воды новоземельскаго архипелага усыяны массами мелкихъ островковъ и голыхъ скалъ.

Сядемъ опять на промысловое судно близъ Кусова Носа — крайней южной оконечности Новой Земли. Съ величайшею осторожностью станемъ подвигаться вдоль береговъ острова. По пути намъ не разъ встрѣтятся акулы, киты, бѣлухи, но не будемъ обращать вниманіе на этихъ гигантовъ воднаго міра. Первою гаванью, куда придется войти намъ, будетъ Тархова — крайне не безопасная для стоянки. Медленно плывя впередъ, бросая лоть каждые четверть

часа, мы наконецъ доберемся до якорнаго мѣста. Отсюда невадалекъ—озеро прѣсной воды, сжатое холмистою мѣстностью, гдѣ зелень все-таки гуще, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ острова. Но вотъ подулъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ. Нужно пользоваться попутничкомъ. Слѣдующая наша стоянка—становище Кусово, у котораго впервые бросятся намъ въ глаза нѣсколько ветхихъ деревянныхъ крестовъ. Подъ ними мирно спятъ въ этой негостепріимной землѣ суровые труженики сѣверныхъ морей, сильные, отважные промышленники. Вблизи крестовъ глухо шумить океанъ, словно плачутся волны о силахъ, бесплодно схороненныхъ на этомъ берегу. А тамъ, гдѣ-нибудь далеко, далеко въ глуши нашего поморья, тщетно ждетъ убогая семья своего кормильца. И нищаетъ она и томится, пока не выростутъ новые труженники въ ея средѣ, которымъ, быть можетъ, также суждено безвременно лечь въ холодныя могилы—тамъ, въ этомъ уныломъ, безблюдномъ краю.

Но дальше, дальше! Ждать некогда. Скоро позамерзають рѣчки, и у береговъ скопятся громадныя ледяныя глыбы. Судно затреть, а пожалуй и расплющить, какъ щепку. Придется поневолѣ остаться на зимовку. Впередъ! Вотъ мимо насъ мелькнуло устье губы Каменки, гдѣ

въ зиму съ 1832 на 33 годъ жилъ извѣстный мореходъ Пахтусовъ. Вотъ широкое горло Логиновой губы, которая на двадцать всрсть врѣзывается въ матерую землю, доходя въ нѣкоторыхъ пунктахъ до пяти верстъ въ ширину. Миновавъ заливъ Рейнеке, бросимъ якорь въ губѣ Саханиха, усѣянной островами и глубоко входящей въ гористые берега. Сюда впадаетъ и рѣчка Саханиха, гдѣ водится пропасть гольцовъ. Въ прѣсноводныя озера и рѣки острова заходитъ не болѣе десяти видовъ рыбъ. Академикъ Бэръ объясняетъ отсутствіе постоянно водящихся тамъ рыбъ неимѣніемъ въ помянутыхъ рѣкахъ тѣхъ питательныхъ веществъ, которыми такъ богаты южные бассейны. Голецъ или по-архангельски голышъ—та же семга, но съ едва замѣтною чешуей, отчего и произошло ея названіе. Она мелкоросла и не бываетъ длиннѣе 13 вершковъ, при вѣсѣ въ 15 фунтовъ. Она поднимается сюда изъ моря, какъ и всѣ мѣстныя рыбы. Безъ нихъ эти рѣки и озера поражали бы промышленника полнѣйшимъ отсутствіемъ жизни. Гольцы водятся лишь по западному берегу Новой Земли. Ловятъ ихъ въ теченіе августа, когда прекращаются всѣ остальные промыслы въ здѣшнихъ становищахъ. Всѣ рыбы изъ породы семужьихъ стремятся изъ моря преимущественно въ

быстро текущія рѣки, подымаясь густыми стадами противу теченія вверхъ, для икромета. Промышленники въ это время перебрасываютъ черезъ рѣку канатъ, съ длинными жердями, затянутыми сѣтыс. Въ этой стѣнѣ устраивается отверстіе, ведущее въ заготовленную ранѣе полость. Рыба толпится у сѣтей, напираетъ на нихъ и, желая пройти далѣе, одна за другою попадаетъ черезъ дыру въ вершу, откуда ее и собираютъ рыболовы. Г. Данелевскій говоритъ, что въ началѣ 30-хъ годовъ уловъ гольцовъ былъ чрезвычайно изобиленъ. Теперь далеко не то. Изъ важнѣйшей статьи мѣстныхъ промысловъ онъ сталъ незначителенъ. Только двое рыболововъ въ рѣчкѣ Нехватовой въ 1852 г.—исключительномъ по урожаю на рыбу, добыли гольцовъ до 900 пудовъ и бросили ловлю за недостаткомъ соли для посола. Впрочемъ и нынѣ средній уловъ ихъ доходитъ до 280 п. на судно. Въ тѣхъ же рѣкахъ ловятъ и окуней, а въ морѣ иногда попадаетъ треска.

Изъ губы Саханихи мы завернемъ въ становище губы Черной, по срединѣ которой высится небольшой островокъ съ грудями плавнику. На немъ нѣсколько могилъ и купа крестовъ, неизмѣнно являющихся по всему пути вдоль ново-земельскаго берега. Отсюда, миновавъ губу Широчиху съ прѣсноводнымъ озе-

ромъ близъ нея, наша шкуна круто свернетъ къ сѣверу въ узкій Костинъ Шаръ, отдѣляющій островъ Междушарскій отъ Матки. Этотъ глубокій проливъ доходитъ до девяти миль въ ширину и нигдѣ не суживается менѣе $1\frac{3}{4}$ миль. Онъ въ длину тянется на 45 верстъ. Направо поднимается смутная линія холмистаго ново-земельскаго берега, налѣво темнѣетъ едва замѣтная низменность острова Костина, часто заливаемаго водою и потому въ высшей степени опаснаго для малоопытныхъ мореходовъ: тутъ сѣло на мель и было разбито не мало судовъ. Хорошо, если экипажу удавалось vybrаться куда нибудь на сухое мѣсто. Здѣсь нерѣдко суда пропадали безслѣдно. Ни шкуны, ни промышленниковъ, только бѣшено ревущее море несло куда-то вдаль жалкіе обломки, да жадныя акулы терзали въ морской глубинѣ обезображенные трупы неосторожныхъ пловцовъ. Къ берегамъ этого острова нынѣ прибываетъ не мало плавнику, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуетъ какъ бы естественныя плотины этой низменной окраины. Плавникъ — наносный лѣсъ; преимущественно лиственница, выносимая громадными рѣками русскаго сѣвера, особенно же Печорою въ открытый океанъ и прибиваемая къ Новой

Землѣ, гдѣ она для зимующихъ тамъ промышленниковъ служить единственнымъ топливомъ.

Внутри Костина острова немало прѣсноводныхъ озеръ. Посмотрите какъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ они бѣшено бьются и плещутъ. Брызги бѣлой пѣны поднимаются высоко, сверкая топазовымъ дождемъ, подъ желтоватымъ блескомъ, погрузившагося въ золотистую дымку солнца. Порою одинокая чайка съ рѣзкимъ крикомъ низко, низко пронесется надъ озеромъ, зорко вглядываясь въ его желтоватую глубь, не мелькнетъ ли гдѣ мелкая рыбка ярко блестящей спинкой... Но вотъ Костинъ шаръ остается все ниже и ниже и наконецъ, на ново-земельскомъ уже берегу, образуетъ Нехватову губу, куда быстро бѣжитъ сдавленная двумя гористыми берегами рѣчка Нехватова, образующая нѣсколько озеръ вдоль своего теченія. Здѣсь лучшій на Новой Землѣ ловъ гольцовъ... Высадимся тутъ на матерую землю и поднимемся вверхъ, по теченію этого воднаго пути. Неподалеку отъ своего устья рѣка, расширяясь, составляетъ хорошую стоянку для судовъ, посѣщающихъ Новую Землю. У самаго бассейна построено нѣсколько избъ, а далѣе начинаются гористые берега, общій видъ которыхъ можетъ увлечь и равнодушнаго къ природѣ человѣка. Далѣе по своему теченію

Нехватова образуетъ нѣсколько соленыхъ и прѣсноводныхъ озеръ, усѣянныхъ островами и отдѣльно стоящими утесами. Въ окрестностяхъ водится множество ново-земельскихъ оленей, о которыхъ тутъ кстати будетъ сказать нѣсколько словъ. Они отличаются значительно отъ мезенскихъ и лапландскихъ оленей, составляя отдѣльную разновидность. Питаясь ягелемъ или бѣлымъ мохомъ, ново-земельскій олень довольствуется лѣтомъ скудною зеленью. Болѣе рослый, чѣмъ олень Шпицбергена, онъ въ тоже время гораздо смирнѣе и выносливѣе. Промышленники безъ особенныхъ ухищреній и орудій ловятъ здѣшнихъ оленей или въ сѣти, загоняя ихъ туда цѣлыми стадами, или же бьютъ изъ ружья. Опытовъ прирученія ново-земельскаго оленя еще никѣмъ производимо не было, тѣмъ не менѣе по аналогіи можно судить, что для будущихъ промышленниковъ мѣстный олень будетъ составлять тоже, чѣмъ онъ сталъ для самоѣда и лопаря.

Полюбовавшись красивыми видами р. Нехватовой, отправимся далѣе, вдоль береговъ острова къ сѣверу. Тутъ придется миновать нѣсколько губъ, между которыми замѣчательны болѣе другихъ: Рогачева, Бѣлужья со становищемъ и неизмѣнными могилами. Вотъ впереди, въ однообразной сѣроватой массѣ океана,

смутно очерчивается какая-то низменная земля съ утесомъ на крайнемъ пунктѣ ея. Отсюда начинаются настоящія опасности плаванія по этимъ водамъ, усѣяннымъ въ этихъ мѣстахъ рифами и каменными банками. Пока еще удасться добратъся до Кармакульскаго залива, глубокаго и безопаснаго, гдѣ покойнымъ Брантомъ было выстроено удобное, просторное и прочное помѣщеніе для промышленниковъ, намъ придется медленно и осторожно огибать всѣ подводныя очертанія, смутно рисующіяся неопредѣленными тѣнями на поверхности обманчиваго океана. Въ этихъ мѣстностяхъ немало погибло кораблей и промышленниковъ. Вслѣдъ за Кармакульскимъ заливомъ вновь начинаются опасные берега Гусиной Земли. Тутъ между прочимъ придется обогнуть рѣчку Пуховую, бурно текущую между гористыми и кое-гдѣ почти отвѣсными берегами. Суда, попадающія сюда, теченіе *отбрасываетъ* назадъ. Затѣмъ вплоть до Маточкина Шара, перерѣзавшаго Новую Землю, не встрѣтится ничего достопримѣчательнаго.

Маточкинъ Шаръ тянется на 100 верстъ въ длину. Ширина его не одинакова. Есть пункты, гдѣ гористые берега этого пролива сходятся на 250 саженомъ разстояніи, въ другихъ они отстоятъ на 10 верстъ одинъ отъ другаго. Хреб-

ты, обступившіе шаръ, главнымъ образомъ состоятъ изъ аспида и плитняка. Они усѣяны множествомъ прѣсноводныхъ озеръ, богатыхъ рыбою. По обоимъ берегамъ пролива постоянно бродятъ стада оленей, песцы, бѣлые медвѣди. Входъ въ него заставленъ сумрачными горами, правильныя очертанія которыхъ дѣлають ихъ похожими на базальтовыя массы Сѣверной Шотландіи. Скудная растительность только кое-гдѣ разбросала по сѣрому, одноцвѣтному фону суроваго пейзажа зеленыя пятна мелкой поросли. Горы вдоль береговъ Маточкина Шара достигаютъ кое-гдѣ значительной высоты. Въ проливъ съ той и съ другой стороны впадаетъ много рѣкъ бурливыхъ и быстрыхъ, бѣгущихъ по наклоннымъ плоскостямъ береговъ. Хорошихъ якорныхъ стоянокъ здѣсь весьма мало, хотя теченіе пролива извилисто и берега его изрѣзаны множествомъ бухтъ и заливовъ.

Объ окрестностяхъ Маточкина Шара мнѣ случилось здѣсь слышать поэтическую легенду, переданную поморомъ, не разъ побывавшимъ на Новой Землѣ.

«Зимовали мы этта у рѣчки Маточки; избенка, признаться, плохенькая была; ну, понасбирали плавнику, поправили кое-какъ — ничего, жить можно. Бывало, какъ съ промысловъ вернешься изморенный, такъ и дѣла тебѣ нѣтъ,

что крыша вся рѣшетомъ стала. Поближе къ печкѣ норовишь улечься—и тепло. Въ полѣ-то, да на шарѣ вьюга воетъ. Словно тѣ цѣлый косякъ открывъ оретъ. То въ окна кинется, то словно дальше бѣжить, а ты себѣ спишь и дѣла тебѣ до пурги этой нѣтъ. Избенку-то снѣгомъ во какъ занесетъ. Опосля едва себѣ проходъ продолбишь—одначе подъ снѣгомъ ничего—теплынь, благодать. Однова этта къ намъ, къ самымъ дверямъ ошкуй забрался, ну мы его приняли какъ слѣдуетъ. Шкура-то у меня доселѣ есть—пуховой ошкуй. Тепло одѣвался покойничекъ!..

«Только около эфтихъ мѣстовъ баско жутко бывало по субботамъ да воскресеньямъ. Какъ, значить, стемнѣетъ—сейчасъ невѣдомо откуда колокола звонить начинаютъ. Такъ звонъ и плыветъ по воздуху, и справа и слѣва. Сначала мелкіе колокола, а опосля большіе гудятъ... Долго гудятъ — слушаешь, слушаешь и холодкомъ тебя такъ и прохватить—потому страшно. А иногда надъ самой избенкой по воздуху словно цѣлая рать пройдетъ—и голоса слышишь, и одежда шуршитъ—и опять все тихо. Подумаешь вѣтеръ — нѣтъ, выйдешь — кругомъ не шелохнется, тишь такая!..»

— Что же это за колокола?

— «А это, другъ, посередь Матки, старики говорятъ,—города есть, не нашимъ земнымъ городамъ чета. Церкви въ эфтомъ городу ледяныя, дома тоже. А живутъ тамъ на просторѣ, въ такомъ захоlustѣ, куда живой душѣ и не добратся, всѣ охотнички да ловцы, что на Маткѣ перемерли. Однава съ нами былъ на промыслу малецъ одинъ, парень смирный. Зашелъ онъ этто разъ за Митюшевъ камень, что у Серебрянки стоитъ, оттуда и воротился, помертвѣвъ весь. «Видѣлъ я,—говорить,—братцы, великое чудо. Быдто виситъ посередь Матки гора ледяная, а на этой горѣ все церкви да церкви, и сколько эфтихъ церквей, поди, не сосчитать, — одна другой выше, одна другой краше. Колоколенки словно стекляныя, тонкія да прозрачныя такія... И только я стою, вдругъ со всѣхъ эфтихъ колоколенъ звонъ поднялся. Я, говоритъ, обмеръ да скорѣй назадъ»». Какъ прослышали мы про то, сичасъ и сказали парню: ««это тебя наши промышленнички, что подъ крестами лежатъ, въ свой-отъ городъ звали. Безпримѣнно, говоримъ, помрешь»». Что же! Сталъ парень задумываться, опалъ совсѣмъ, а черезъ мѣсяцъ послѣ того и душу Богу отдалъ. Ну, мы его тамъ за Митюшевымъ камнемъ и схоронили. Таково ли хорошее мѣстечко выбрали. Надъ крестомъ, слышь, дикій камень на-

вись, а шаговъ въ десяти отъ могилы море-окіанъ зыблется!.. Вотъ онъ каковъ нашъ мертвый городокъ-то!»

Проработавъ цѣлую недѣлю на промыслѣ, въ субботу сидитъ промышленникъ въ своей одинокой новоземельской избушкѣ. Дѣлать нечего. Цѣлый сонмъ воспоминаній такъ и вьется надъ нимъ. Далекое поморское людное село, родная семья, улыбки жены, громкій смѣхъ дѣтей и звонъ колокола, тягуче разносящійся съ колокольни сельской церкви... Ну, и чудится труженнику, что и тутъ рядомъ носятся торжественно гулкіе звуки колокола, отъ которыхъ жутко становится ему и больно!.. И создается такимъ путемъ поэтическая легенда о мертвомъ городѣ...

На второмъ островѣ Матки, начинающемся къ сѣверу отъ Маточкина Шара, прежде всего останавливаетъ вниманіе губа Серебрянка. На сѣверной сторонѣ ея возвышается Митюшевъ камень—громадный конусъ, вершина котораго теряется въ облакахъ. Отсюда въ ясную погоду виднѣется дальняя окраина Маточкина Шара, съ ярко блистающими черными озерами, словно золотыя пластины, кинутыми по обоимъ берегамъ пролива. Очертанія Новой Земли кажутся отсюда вправленными въ бирюзовую кайму океана, а верхушки гранитныхъ утесовъ

у т р о м ъ
блистають
словно мая-
ки возрож-
дающагося
дня. Здѣсь
же одинъ
грамотный
п о м о р ъ
наблюдалъ
сѣверное
сіяніе—въ
такомъ бле-
скѣ, кото-
раго не уви-
дитъ даже и
привыкшій
къ споло-
хамъ жи-
тель архан-
гельскаго
побережья.

На совер-
шенно чис-
томъ зи м-
немъ небѣ,
безлунною
ночью, сна-
чала едва

едва прорѣзалась блѣдная дуга полярнаго сія-

нія. На ней колыхались и сглаживались тускло-свѣтившіе языки неровнаго пламени, которое, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось все ярче и ярче. Скоро вся сѣверная сторона неба была охвачена этимъ трепетавшимъ и точно вздрагивавшимъ огнемъ, правильная арка котораго рѣзко вырисовывалась на черныхъ зубчатыхъ очертаніяхъ отдаленнѣйшихъ береговыхъ скалъ. Наконецъ, изъ середины дуги начало выбрасывать цѣлые снопы электрическаго блеска, ослѣплявшаго глаза наблюдателей. Они подымались все выше и выше, сталкивались и взаимно отталкивали одинъ другой, какъ вдругъ великолѣпный полукругъ сполоха разомъ въ одно мгновеніе разорвался на двѣ половины. Въ каждой изъ нихъ тотчасъ же образовался еще болѣе ослѣпительный центръ, и скоро два громадныя, все удлинявшіеся и удлинявшіеся столба, какъ двѣ лапы громаднаго, спокойнаго чудовища, охватили небо, порывисто приближаясь къ его зениту... Изъ блѣдно-голубаго, пламя ихъ стало желтоватымъ и, наконецъ, перешло въ такой кроваво-алый блескъ, что и масса Митюшева камня, и снѣговая пустыня Новой Земли, легли багровою полосою подъ свѣтомъ этихъ полярныхъ факеловъ. На красномъ просторѣ рубиновымъ отствѣтомъ сверкали кое-гдѣ застывшія ледяныя глади озеръ, да черными силуэта-

ми выдѣлялись ряды утесовъ, обращенныхъ неотражавшею свѣтъ стороною къ глазамъ наблюдателя.

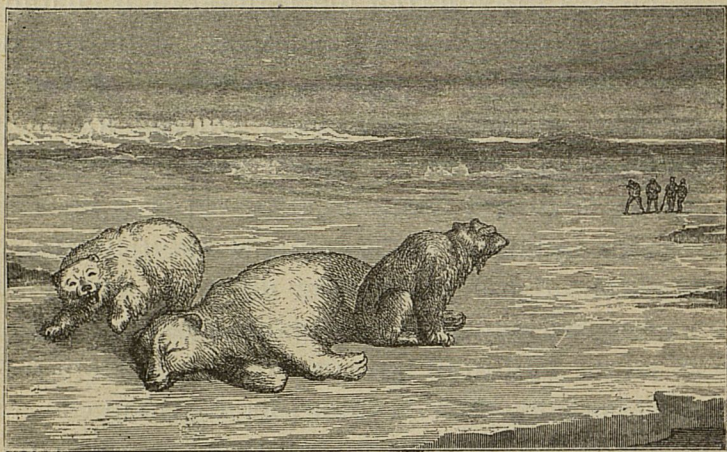
Сходившіяся къ зениту полосы алаго свѣта встрѣтились, взаимно отбросили другъ друга и мгновенно погасли, оставивъ все небо почти чернымъ, только на самомъ зенитѣ его таинственно мерцала внезапно образовавшаяся и словно вѣнчавшая эту мертвую, ледяную глушь корона изъ сноповъ голубыхъ, почти звѣздного цвѣта. А тамъ погасла и она, и снова заходили по небу десятки, сотни громаднхъ столбовъ, почти кравшихся по немногимъ, робко блиставшимъ звѣздамъ. Вотъ они расположились вѣнцомъ вокругъ темнаго уже сегмента, вотъ они стали короче и короче, а сегментъ освѣщался все ярче и ярче; наконецъ, столбы погасли и только первоначальная арка ослѣпительно сіяла и вздрагивала у полюса.

«Свѣтъ, говорилъ мнѣ поморь, былъ до того силенъ, что я за версту разсмотрѣлъ у самаго берегового утеса цѣлую семью ошкучевъ. Можно было видѣть берега Маточкина Шара, отдаленныя скалы, возносившіяся изъ океана и голубыя пятна талаго снѣга по откосамъ горы».

Изъ заливовъ болѣе замѣчательныхъ на большемъ островѣ Новой Земли нужно упомянуть губу Митюшиху, заливъ Мелкій, гдѣ зимовали

Циволька и Мойсеевъ въ 1839 году, Крестовый заливъ съ нѣсколькими гористыми и чрезвычайно живописными островами. Сульменевъ заливъ словно кольцомъ охваченъ горнымъ кряжемъ съ отдѣльно стоящими вершинами, правильные конусы которыхъ тонко рисуются на безоблачномъ небѣ въ ясные дни короткаго ново-земельскаго лѣта. Тутъ весьма часто встрѣчаются ошкуи—бѣлые медвѣди. Невдалекѣ отсюда берега становятся пустынными и сплошь усыяны островами земноводныхъ животныхъ, истребленныхъ въ разное время полярнымъ медвѣдемъ, питающимся ими. Ошкуй въ свою очередь становится добычею помора-промысленника, который безпощадно охотится на него въ тѣхъ случаяхъ, когда первые промыслы уже окончены, а новые еще не начаты. Ошкуевъ истребляютъ иногда и въ глухую зиму, но рѣдко, такъ какъ, начиная уже съ ноября, бѣлый медвѣдь показывается весьма рѣдко. Сила его характеризуется между прочимъ тѣмъ, что онъ отваживается часто вступать въ бой съ крупнѣйшими моржами на льдинахъ Полярнаго океана. За бѣлыми медвѣдями охотятся иногда и самоѣды, забирающіеся сюда черезъ обледенѣвшіе проливы съ твердой земли. Они употребляютъ для этого разныя орудія, но чаще всего винтовку и рогатину. Свенске рассказы

ваетъ нѣсколько случаевъ, судя по которымъ, можно полярнаго медвѣдя, по обнаруживаемой имъ трусости, счесть ближайшимъ родственникомъ нашего Михайла Ивановича. Такъ, напри-
мѣръ, одинъ изъ людей, бывшихъ въ командѣ Пахтусова, увидѣвъ, что къ пустой въ то время избушкѣ зимовья приближается ошкуй, отъ ужаса заоралъ благимъ матомъ, — медвѣдь, струсивъ, благородно ретировался, ежесекундно огля-

дываясь назадъ. Въ другой разъ двое промышленниковъ встрѣтили въ двѣнадцати шагахъ отъ себя медвѣдя. Безоружные, они стали кричать, призывая товарищей, и послѣдствія были тѣ же. Въ тотъ же день одинъ изъ матросовъ вышелъ изъ избы въ сѣни и, отворивъ наружную дверь, увидѣлъ тамъ другаго медвѣ-

дя, спокойно лакомившимся ворваннымъ саломъ изъ стоявшей подлѣ сѣней бочки. Матросъ закричалъ отъ испуга, а медвѣдь, также испугавшись, бросился бѣжать опростебѣ.

Какъ предметъ промыслового торгоу, ошкуй имѣетъ свое значеніе. Хорошо просоленное мясо его идетъ въ продажу такъ же, какъ и жиръ. Лучшіе мѣха полярныхъ медвѣдей обходятся въ покупкѣ отъ 16 р. и выше.

Невдалекѣ отъ горы Серебрянки и вообще по всему этому берегу, судя по указаніямъ поморовъ, должно находиться серебро, а у Костина Шара въ Бѣлужьей губѣ и золото. Разумѣется, всѣ эти слухи не имѣютъ за собою ничего прочнаго и не будутъ имѣть, пока на берегъ острова не попадетъ какой-либо знающій техникъ. Отчасти, впрочемъ, эти указанія подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что Новая Земля составляетъ лишь продолженіе Уральскаго хребта въ океанъ. Горы ея состоятъ преимущественно изъ глинистаго шифера, въ нихъ также встрѣчаются горный хрусталь, булыжникъ, скалы гранита и гнейса, сѣрный и мѣдный колчеданъ и каменный уголь—въ громадныхъ залежахъ. Обрывы горъ постоянно бываютъ завѣяны снѣгомъ, тогда какъ вершины ихъ голы.

Продолженіе Новой Земли къ сѣверу составляетъ столь же извилистую линію берега, изрѣзаннаго заливами. Самый крайній пунктъ ея—мысъ Нассавскій, за которымъ уже начинается восточный берегъ, не посѣщаемый нашими промышленниками вовсе, такъ какъ доступъ къ нему затрудненъ громадными массами льду, прибываемаго сюда теченіемъ Карскаго моря. Внутренность Новой Земли неизвѣстна вовсе. Ловцы рѣдко отдаляются болѣе одной версты вглубь острова отъ береговъ, гдѣ, вслѣдствіе чувствуемаго здѣсь вліянія отдаленнаго гольф-стрема, и теплѣе, да и самая добыча промысла обильнѣе. Вотъ, между прочимъ, какъ г. Бэръ рисуетъ общій характеръ пейзажей этого громаднаго, затеряннаго въ полярномъ океанѣ континента.

«Одно изъ дѣйствій, производимыхъ отсутствіемъ дерева и рослой травы—это чувство одиночества, чувство, овладѣвающее душою не только мыслящаго наблюдателя, но и самаго грубаго матроса. Это чувство не имѣетъ въ себѣ ничего стѣснительнаго, напротивъ, въ немъ что то торжественное и оно можетъ быть сравнено только съ тѣмъ могучимъ впечатлѣніемъ, какое производитъ на насъ видъ Альповъ. Я не могъ подавить въ себѣ мысли, невольно мнѣ представлявшейся, будто теперь

только-что настаетъ утро мірозданія и вся жизнь еще впереди... Иногда, правда, видишь движущееся по землѣ животное, иногда вдали отъ берега видна большая чайка, носящаяся по воздуху, но этого мало для оживленія ландшафта. Недостаетъ при тихой погодѣ звуковъ и движенія, особенно когда предпринимаешь экскурсію во внутрь страны, но удаленіи множества гусей, витающихъ во время линія перьевъ по озерамъ. И безъ того уже скудныя на Новой Землѣ сухопутныя птицы не голосисты, беззвучны также сравнительно еще болѣе скудныя насѣкомыя. Даже псецъ слышенъ бываетъ только ночью. Это совершенное отсутствіе звуковъ, особенно господствующее въ ясные дни, напоминаетъ собою тишину могилы, и вдругъ выходящія изъ-подъ земли, прямо снующія передъ нами и столь же внезапно опять исчезающія, пеструшки являются какъ будто какими-то призраками. Однако жъ, вопреки этимъ слѣдамъ животной жизни, ея какъ будто бы нѣтъ, потому что слишкомъ мало замѣтно движенія. Въ другихъ странахъ мы привыкли видѣть, что листья высокихъ растений и деревьевъ своимъ шелестомъ обнаруживаютъ присутствіе легкаго зефира. Низкія же растенія глубокаго Сѣвера недоступны и легчайшему вѣтерку — ихъ можно почестъ какъ бы на-

рисованными. Да и почти не видать насѣкомыхъ, которыя искали бы на нихъ удовлетворенія своихъ потребностей. Изъ многочисленнаго семейства жуковъ нашлось одно только недѣлимое. Иногда, правда, въ солнечный день и на согрѣтомъ мѣстѣ, на примѣръ около небольшихъ выдающихся скалъ, порхаетъ пчела, но она едва жужжитъ, какъ и у насъ въ ненастные дни. Немного чаще встрѣчаются комары и мухи, но и они такъ рѣдки, такъ смиренны и вялы, что ихъ должно почти искать, чтобы замѣтить. Я не припомню, чтобы кто-нибудь изъ насъ жаловался на укушеніе комаровъ, и почти невольно стоскуешься по этимъ назойливымъ воздушнымъ обитателямъ Лапландіи, чтобы только почувствовать хотя нѣсколько жизни въ природѣ».

Строеніе Новой Земли, ея температура, флора и фауна.

Новая Земля, какъ выше замѣчено, является продолженіемъ Уральскаго хребта. Бэръ, Гофманъ и Свенске утверждаютъ противное, опираясь на мнѣнія экспедиціи 1848 г., которая признала, что Уралъ оканчивается Константиновымъ Камнемъ. Но дѣло въ томъ, что, какъ эта экспедиція, такъ и Бэръ предположили Новую Землю продолженіемъ не Урала, но хреб-

та Пай-хой. Въ сущности же оказывается, что Пай-хой не самостоятельный горный кряжъ, а лишь самоѣдское названіе Уральскаго хребта.

Отъ послѣднихъ отроговъ Пай-хоя до острова Вайгача, а отъ него до Новой Земли идутъ подводные горные кряжи, служащіе барьеромъ, останавливающимъ ледяныя массы Карскаго моря. Затѣмъ отъ сѣверныхъ береговъ Новой Земли и до Шпицбергена идутъ такія же скрытыя на днѣ океана каменистыя гряды, почему и по-нынѣ еще держится смѣлая гипотеза, что Уральскій хребетъ, начинаясь близъ Каспійскаго моря, заканчивается крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ Шпицбергена.

Нѣкоторыя горы Новой Земли доходятъ до 4,500 фут. высоты. Громадныя силуэты ихъ часто чернѣютъ совершенно отдѣльно на сѣромъ фонѣ туманнаго неба. Особенно значительно скопленіе горъ близъ Маточкина Шара. Восточный же берегъ Новой Земли, за немногими исключеніями, представляетъ пологія, едва замѣтно склоняющіяся къ океану равнины. Изъ горныхъ породъ здѣсь чаще всего встрѣчается глинистый сланецъ. Затѣмъ кое-гдѣ попадаетъ богатый содержаніемъ превосходнаго горнаго хрусталя — слюдистый талькъ. Проникнутый кварцевыми жилами, изобилующій желѣзнымъ колчеданомъ тальковъ сланецъ въ нѣ-

которыхъ мѣстахъ острова образуетъ цѣлыя горы. Затѣмъ слѣдуютъ черный известнякъ, сѣрая известь и сѣрый кварцъ. Во многихъ горныхъ породахъ встрѣчаются массы окаменѣлостей, свидѣтельствующихъ о роскошной флорѣ и фаунѣ Новой Земли въ доисторическія времена.

Восточные берега Новой Земли гораздо холоднѣе западныхъ ея окраинъ. Промышленники, въ 1872 году зимовавшіе въ губѣ Серебрянкѣ, говорили, что на оконечностяхъ западныхъ мысовъ, далеко вдающихся въ море, климатъ одинаковъ съ климатомъ Поморья, тогда какъ уже въ глубинѣ бухтъ температура значительно падаетъ и холодъ становится ощутительнѣе. Относительно восточнаго побережья это замѣтно еще и потому, что, когда сѣверо-западная оконечность Новой Земли уже освобождается отъ льда, юго-восточный конецъ ея загромажденъ ледяными массами. Таково вліяніе гольфстрема, какъ бы его ни отрицали господа, составляющіе понятіе о Новой Землѣ въ тишинѣ своихъ кабинетовъ. Средняя температура Новой Земли — $8^{\circ}.91$ Ц. Средняя температура для западнаго берега — $8^{\circ}.37$ Ц., для восточнаго — $9^{\circ}.45$ Ц. Такимъ образомъ, въ общемъ Новая Земля холоднѣе Шпицбергена, холоднѣе Якутска (хотя и незначительно). нЗа то по вычисленію Свенске

оказывается, что Нижній Колымскъ (-10°), Устьянскъ ($-15^{\circ}24'$) и вся страна между Яной, Индигиркой, Нижней Леной, Каталгой, Оленкой, Пясиной, низовьями Енисея, а равно и область сѣверныхъ притоковъ Нижней Тунгузки, гораздо холоднѣе Новой Земли. Однако, несмотря на это, тутъ живутъ дикари и русскіе, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ Сѣверной Америки, еще болѣе холодныхъ чѣмъ Новая Земля, и англичане (фортъ Энтерпрейзъ), тогда какъ на Новой Землѣ только изрѣдка зимуютъ промысловыя партіи. Средняя зимняя температура Новой Земли $-19^{\circ}66'$ гораздо выше температуры внутренней части Лапландіи и Лабрадора. Но если зима здѣсь должна быть признана не особенно суровой, за то лѣтомъ средняя температура здѣсь равняется $+2^{\circ}53'$ Ц. Высшая температура здѣсь бываетъ въ августѣ $+4^{\circ}96'$ Ц., низшая въ мартѣ $-23^{\circ}72'$ — первая на западномъ, а вторая на восточномъ берегахъ. Впрочемъ Пахтусову удавалось наблюдать здѣсь теплые дни въ $+11^{\circ}9'$ Ц. или $+9^{\circ}5'$ Р. Самые холодные дни наблюдались въ губѣ Каменкѣ -40° Ц. или -32° Реомюра.

Новая Земля въ извѣстныя времена года бываетъ покрыта необычайно густыми туманами, но за то тутъ же поражаютъ почти сказочною ясностью дни, когда взглядъ наблюдателя ви-

дить предметы, удаленные отъ него на громадное разстояніе; воздухъ въ это время становится безцвѣтнымъ; кажется, что и вода теряетъ свою синеватую окраску. По крайней мѣрѣ морское дно на глубинѣ 80 сажень обнаруживаетъ мореходу и промышленнику всѣ свои тайны. Литке видѣлъ свѣтлый кружокъ лота еще на 12 саж. подъ водою.

«Въ половинѣ или исходѣ апрѣля, говоритъ Свенске, снѣгъ начинаетъ осѣдать; къ исходу мая на открытыхъ низменностяхъ уже не остается болѣе слѣдовъ снѣга и начинаетъ появляться трава. Рѣки освобождаются отъ льда въ исходѣ іюня, а закрытые заливы въ іюлѣ. Но многіе изъ нихъ остаются подо льдомъ во все продолженіе лѣта».

Каменистые пейзажи Новой Земли, поражающіе странника угрюмымъ величіемъ неподвижныхъ громадъ, почти вовсе лишены той роскоши разнообразныхъ красотъ, которыми растительность украшаетъ не менѣе дѣвственныя пустыни юга. Жалкая зелень возвышающихся на одинъ футъ деревьевъ да скудныя полости мха однѣ только и оживляютъ суровую картину этого мертваго царства. Утесы, покрытые лишайными растеніями, словно корою, не увѣнчиваются на своихъ вершинахъ вѣтвистыми стволами сосенъ и елей; кое-какіе

желтоватые полузлаки блекнуть на печальныхъ равнинахъ этого острова. Полярная ива подымается здѣсь не выше трехъ вершковъ отъ земли и едва замѣтна въ моховой массѣ, охватившей ее со всѣхъ сторонъ. Лютикъ, альпійскій макъ и щавель поднимаются изъ трещинъ, расщелинъ скалъ и щебня, гдѣ скопляется влага. Впрочемъ, Бэръ говоритъ, что и Новая Земля не лишена своего Эльдорадо. Есть мѣста, сплошь покрытыя цвѣтами полярныхъ растений. Замѣчательно, что послѣднія болѣе изобилуютъ здѣсь цвѣтами, чѣмъ листьями. Вообще же всѣхъ растений здѣсь не болѣе семидесяти видовъ, да и тѣ не распредѣляются на разнообразности. Короткое лѣто и при умѣренной зимѣ не даетъ возможности развернуться мѣстной растительности. Корни растений здѣсь обыкновенно стелются по землѣ, въ массѣ дерна, и только короткіе входятъ въ почву, да и то принимаютъ тамъ горизонтальное направленіе. Свенске говоритъ, что лѣса на Новой Землѣ болѣе существуютъ въ землѣ, чѣмъ на ея поверхности. Исполинская форма здѣшнихъ деревъ — *Sabix lanata*, возвышается надъ землею до рѣдкой въ этомъ краю вышины одной пядени, но толстые его корни, или, вѣрнѣе сказать, подземные стволы, Бэръ иногда видѣлъ обнаженными отъ 10 до 12 футовъ, не находя имъ конца, и попереч-

никъ ихъ бываетъ нерѣдко болѣе одного дюйма. Однажды онъ нашелъ его даже въ два дюйма на короткой части его длины.

Промышленники, зимующіе на Новой Землѣ, согрѣваются преимущественно плавникомъ, прибываемымъ сюда океаномъ и выносимымъ громадными рѣками европейско-русского и азійскаго Сѣвера. Это стволы лиственницы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ острова образующіе какъ бы естественныя плотины, а у Кусова носа даже затрудняющіе путь мореходамъ и рыбопромышленникамъ. Еще болѣе ихъ находится на восточномъ берегу Новой Земли, но путь туда труденъ и они пропадаютъ бесполезно для человѣка, затираемые ледяными массами, которыя тоже несутъ сюда неугомонныя волны Карскаго моря.

Фауна Новой Земли богаче ея растительности. Кромѣ оленя и бѣлаго медвѣдя, о которыхъ говорено выше, здѣсь встрѣчаются волки, лисицы, пеци (песцы), пеструшки, особенно многочисленныя на этомъ архипелагѣ. Изъ птицъ тутъ водятся снѣжная сова, снѣжная пумачка (видъ камнешарки), турухтанъ и родъ сарыча. Промышленники Новой Земли говорятъ, между прочимъ, что здѣсь же попадаются порою орлы, но рѣдко.

Берега острова усеяны стадами гусей, перья которых составляют предмет выгоднаго промысла для новоземельныхъ охотниковъ, лебедей, утокъ, гагарокъ и гагъ, доставляющихъ драгоцѣнный пухъ. Гаги, нѣкогда многочисленныя, теперь мало-помалу оставляютъ нашъ сѣверъ. Дѣло въ томъ, что поморы съ чисто-варварскою жадностью собираютъ яйца этой птицы, а когда то находились даже и офиціальныя лица, покровительствовавшія такимъ истребителямъ. Одинъ кемскій городничій, большой любитель яичницы изъ гагачьихъ яицъ и большой мошенникъ въ то же время, обложилъ всѣхъ городскихъ мѣщанокъ данью, состоявшею въ томъ или другомъ количествѣ этого лако-

мага продукта. Дѣло кончилось тѣмъ, что нынче на берегахъ Поморья встрѣтить гагу такъ же трудно, какъ и колибри. Морскія птицы буквально покрываютъ берега Новой Земли, преимущественно же на ея юго-западѣ. Чайки всѣхъ родовъ, кайры, мычагатки и другія встрѣчаютъ громкими привѣтствіями всякій пристающій къ ихъ резиденціи корабль. Вмѣстѣ съ рыболовами онѣ принимаютъ участіе въ дѣлѣ ихъ добычи, выбирая себѣ изъ выволакиваемой рыбы самые лакомые экземпляры. Назойливость чаекъ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго. Не говоря уже объ ихъ равнодушіи къ близости человѣка, нѣкоторыя изъ нихъ, такъ называемые бургомистры, вырываютъ пищу изъ рукъ промышленника. Воды Новой Земли богаты раками (гоммарами). Свенске говоритъ, что ихъ можно черпать рѣшетомъ по нѣскольку тысячъ заразъ; они даже проѣдаютъ на моржахъ кожу подъ передними лапами и въ морщинахъ на шеѣ. Изъ рыбъ здѣсь водятся гольцы, сайки, треска и проч. изъ рода *gadus*.

Царь новоземельскихъ водъ, исполинъ Ледовитаго Океана — моржъ доставляетъ нашимъ промышленникамъ выгоднѣйшую добычу — шкуру, сало и драгоцѣнные клыки. Борьба съ нимъ не безопасна, особенно если промысливаемый экземпляръ является въ видѣ матери съ

дѣтенышемъ. Моржъ-самка доходить до остервенѣнія, защищая свое чадо. Она скорѣе пожертвуетъ собою, чѣмъ послѣднимъ, и во всякомъ случаѣ не дешево достается ловцу. Затѣмъ слѣдуютъ тюлени, смотря по возрастамъ, называемые то бѣляками, то хохлушками, то плѣханками, сѣрками, и, наконецъ, по достиженіи совершеннолѣтія, самцы—лысунами, а самки—утельгами. Бѣлухи (изъ китовыхъ) попадаютъ тутъ стадами, доходящими до 800 — 900, а по показанію промышленниковъ и до 1000 штукъ. Затѣмъ слѣдуютъ киты-гиббары и прочіе киты, которыхъ здѣсь у насъ изъ-подъ носу промышленяють норвежцы, какъ встарь ихъ промышленяли норманны. Впрочемъ, объ этомъ позднѣе.

По словамъ Бэра, сѣверъ и особенно Новая Земля всего бѣднѣе рыбами и насѣкомыми. Первыхъ въ рѣкахъ и моряхъ этого острова не наберется и десяти видовъ, вторыхъ еще меньше.

Какая скудная жизнь! Какая жалкая природа! скажетъ читатель по окончаніи этой главы.

Да, бѣдная жизнь, но не скудная природа!

Иностранцамъ въ новоземельскихъ водахъ случается ежегодно добывать сотни тысячъ рублей. Наши промышленники, зимующіе на этомъ островѣ, могли бы въ его пустыняхъ получать громадную добычу, если бы скупость органи-

зующихъ промысловыя артели хозяевъ не лишала ихъ необходимыхъ къ тому орудій.

Наконецъ, пейзажи Новой Земли могли бы поразить наблюдателя своимъ суровымъ величіемъ. Это—красота каменныхъ громадъ, это—гармонія угрюмыхъ вершинъ и утесистыхъ береговъ. Это—міръ въ первые дни творенія, когда хаосъ принялъ безжизненные зачаточныя формы, изъ которыхъ потомъ въ другихъ мѣстахъ рассыпалась пышная и яркая природа. Это—сказочное царство одиночества, могущее вдохновить поэта и душу мыслителя настроить на глубокія и безграничныя созерцанія. Здѣсь, не слыша за собою шума неугомонной жизни, человѣкъ, какъ древле семитическій пастырь, могъ бы создать чудныя сказанія, если бы... если бы въ этомъ величавомъ краю онъ могъ жить постоянно!.. Тутъ вѣчная тишина и покой смерти. Только у береговъ немолчный ропотъ волнъ напоминаетъ если не о жизни, то о механическомъ движеніи неугомонной стихіи.

И рвется душа отсюда вонъ, далеко-далеко въ родныя села и деревни, къ милымъ и дорогимъ людямъ!..

Что даетъ Новая Земля промышленнику.

Время открытія Новой Земли—неизвѣстно. Вѣроятно, какой-нибудь скандинавскій мореходъ, бороздя Полярный океанъ, наткнулся на эту суровую пустыню и тотчасъ же бросилъ ее, убѣдясь, что здѣсь грабить некого да и нечего. Промышлять на ней впервые стали русскіе, норвежцы и самоѣды. Селиться здѣсь осѣдло пробовали были гонимые за вѣру раскольники, но всякій разъ семейства ихъ вымирали огуломъ, и за Новой Землей установилась такимъ образомъ репутація кладбища, царства ужаса и смерти. Только недавно здѣсь пробовали пожить поморскіе промышленники — и удачно.

Наши поморы въ Новой Землѣ промышляютъ преимущественно лѣтомъ. Зимними охотами здѣсь занимались въ старину, въ первое время существованія бѣломорской компаніи и еще ранѣе ея—соловецкіе монахи, поневецкіе старообрядцы, архангельскіе и холмогорскіе купцы, даже жители Пинеги; но начиная съ 1843 года, ни одна ватага промышленниковъ не основывала здѣсь своихъ становищъ. Впрочемъ, и въ настоящее время, хотя изрѣдка, артели изъ Поморья и Печоры зимуютъ тутъ, выходя изъ

своихъ селѣ въ море въ началѣ лѣта. Переправляются на Новую Землю по Бѣломорью и Ледовитому Океану въ жалкихъ карбасахъ и лодьяхъ. Лодья—плоскодонное судно, поднимающее грузу *minimum* 1,000 и *maximum* 12,000 пудовъ. Оно строится въ Золотицѣ, Сумѣ, Сорокахъ и Долгощельѣ. Его длина разнообразится между 30 и 50, а ширина между 9 и 19 футами. Промысловая артель по численности своей точно опредѣлена быть не можетъ. Прошлую зимою туда была отправлена партія въ 8, а прежде случалось и въ 30 человѣкъ. Это по преимуществу наемщики, *покруты*, на мѣстномъ жаргонѣ. Покруты отправляются въ Новую Землю на хозяйскій счетъ, причемъ имъ изъ добычи выдѣляется $\frac{1}{3}$, которая все-таки цѣликомъ попадаетъ въ заgreбистыя лапы кулака-міроѣда, такъ какъ во время отсутствія промышленниковъ ихъ семьи существуютъ, разумѣется, насчетъ монополиста. Свободныхъ артелей, артелей въ истинномъ значеніи этого слова, здѣсь не бывало, если исключить новгородскихъ ушкуйниковъ, посѣщавшихъ въ незапамятныя времена эту вѣковѣчную мертвую глушь.

Отправляясь въ Новую Землю, промысловая партія иногда беретъ съ собою для зимовки избу. Большая же часть довольствуется ста-

рыми, ветхими, продыравленными, лѣтъ за пятьдесятъ завезенными сюда и здѣсь оставленными избами. Всѣ эти помѣщенія безъ полу, съ черною недоходящею до потолка печью, вслѣдствіе чего воздухъ всегда переполненъ дымомъ и копотью. Это именно, вмѣстѣ съ недостаткомъ движенія, отсутствіемъ свѣта и теплоты, порождаетъ здѣсь между промысловыми артелями цынгу, отъ которой онѣ и умираютъ. Впрочемъ, партіи, устроенныя лучше, спасаются отъ вредныхъ вліяній этого полярнаго климата и возвращаются домой съ богатою добычей. Подымался здѣсь нѣкогда вопросъ объ устройствѣ на казенный счетъ промысловыхъ избушекъ въ лучшихъ становищахъ острова, но дѣло заглохло, да, кажется, что и самому ходатайству архангельскаго губернатора по этому предмету не дано было дальнѣйшаго хода. Во время плаванія по Ледовитому Океану, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда партія отправляется позднею осенью, лодьи часто затираются и расплющиваются льдинами. Въ этихъ случаяхъ артель часто гибнетъ безслѣдно, или же перебирается на плавучія ледяныя глыбы, на которыхъ и странствуетъ по нѣскольку недѣль въ океанѣ. Иногда ихъ прибиваетъ вѣтромъ къ пустыннымъ берегамъ сѣверо-русской окраины, иногда уноситъ въ невѣ-

домыя при-полюсныя пространства, иногда льдины разбиваются однѣ о другія, и смѣлая партія покрутовъ погибаетъ, оставляя за собою осиротѣвшія семьи въ убогихъ деревенькахъ роднаго Поморья.

Замѣчательно, что, по свидѣтельству академика Лепехина, еще въ его время, въ концѣ XVIII столѣтія, въ Архангельскѣ были купцы, отправлявшіе свои собственные суда на Новую Землю и на Шпицбергенъ. Теперь ихъ нѣтъ вовсе, и послѣдняя экспедиція, снаряженная отсюда, была послана не здѣшними, а петербургскими купцами.

Г. Данилевскій, въ своемъ «Изслѣдованіи о состояніи рыболовства въ Россіи», указалъ на значительный упадокъ новоземельскихъ промысловъ и подробно объяснилъ его причины. Правда, теперь и въ нашей печати встрѣчаются указанія, что новоземельскіе промыслы подымутся тогда, когда русскій торговый и промысловый флотъ на сѣверѣ замѣнитъ парусныя суда паровыми. Говорить подобныя вещи весьма легко. Надо только не упускать изъ виду, что если судовозяинъ могъ завести морскую посудинку—лѣдью, стоящую ему дешево, то о пароходѣ ему и мечтать не приходится. Бѣдность нашего Поморья, да и всей сѣверо-русской окраины дошла до такой сте-

пени, что всѣ совѣты завести пароходы и бороться на нихъ съ иностранцами мнѣ напоминають рецептъ, данный однимъ гуманнымъ докторомъ жалкому, оборванному и голодному пролетарію.

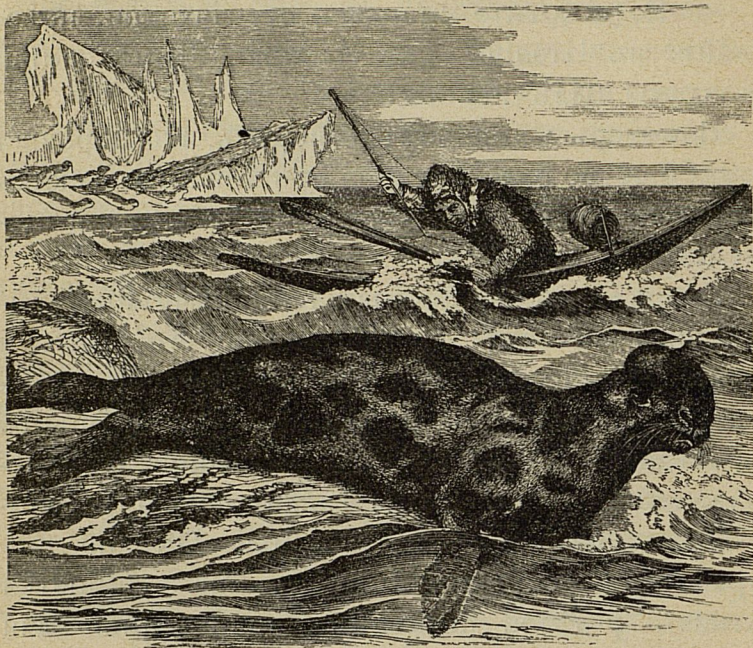
— Если хотите спастись отъ чахотки, поѣзжайте въ Италію — въ Неаполь. Тамъ самый воздухъ вылѣчиваетъ.

Нѣкоторые, впрочемъ, говорятъ, что паровыя суда быстро разогнали бы отъ новоземельскихъ береговъ богатство этого края — моржей и тюленей.

Новоземельскій промышленникъ-поморъ дѣятеленъ, честенъ. Къ несчастію, его, какъ и всякаго нашего рабочаго человѣка, губить водка. Возвратясь съ промысла, онъ пропьетъ послѣдніе гроши, не думая о вѣчной, охватывающей его желѣзными тисками кабалѣ монополиста, о нищетѣ своей семьи. Онъ не обокрадетъ посторонняго, но онъ не задумается отнять у дѣтей послѣдній, припасенный для нихъ, цѣлковый. Все это, разумѣется, на руку міроѣду. Голодный рабочій скорѣе продастъ себя ему и дешевле, чѣмъ сытый. Такъ и гибнутъ цѣлыя поколѣнія этихъ смѣлыхъ и трудолюбивыхъ работниковъ!..

Новая Земля главнымъ образомъ даетъ нашему сѣверному промышленнику самый выгод-

ный предмет мѣстнаго сбыта—моржей, тюленей и бѣлухъ. Моржей здѣсь бьютъ съ послѣднихъ чиселъ іюня по пятое августа и затѣмъ послѣ двухнедѣльнаго отдыха вновь начинается тотъ же промыселъ. Карбаса, на которыхъ

производится бой моржей, устроены такимъ образомъ: они чрезвычайно удобны для передвиженія между движущимися льдами и опасными ледяными насыпями (стамухами). Такая лодка должна быть и легка и вмѣстительна, и прочна. Постройкою такихъ карбасовъ занима-

ются крестьяне приморских селений Долгая Щель и Койда; цѣна ихъ колеблется между 30 и 40 руб.; лѣсъ для нея употребляется еловый, дно дѣлается изъ осинового струга. Для легкости борта ея не бываютъ толще полувершка и состоятъ изъ двухъ досокъ, сшитыхъ пеньковою веревкою, которою онѣ прикрѣпляются также и къ осinovому стругу. Сверхъ того, онѣ прибиваются еще желѣзными гвоздями, а края бортовъ снаружи окаймляются еще брусомъ еловаго дерева. Внутри лодки расположены *упруги*, или поперечныя дугообразныя еловыя ребра, въ родѣ шпакгоутовъ, опредѣляющія объемъ лодки и служащія для окончательнаго и прочнаго скрѣпленія бортовъ и дна. Затѣмъ такая лодка проконопачивается пенькою и смолится какъ внутри, такъ и снаружи, а для перетаскиванія ея по сплошнымъ льдамъ, ко дну ея прикрѣпляются полозья, называющіеся кренями, что составляетъ главное приспособленіе въ мѣстномъ промысловомъ дѣлѣ. Такая лодка подымаетъ сто пудовъ и служитъ безъ порчи около 15 лѣтъ и болѣе. Принадлежности ея — семь багровъ, для боя тюленей на палку и для стаскиванія лодки на плотныя льдины. Тѣ же багры служатъ веслами, когда лодка пробирается между мелкими льдами. Остроконечіемъ багра, съ желѣзнымъ четырехвершковымъ копьевиднымъ

крючкомъ, бьютъ тюленей по головѣ, разбивая имъ головныя кости. Крюкъ же стаскиваетъ добычу на сборныя — «артельныя» льдины. Тѣ же багры приспособлены и къ другой цѣли: когда лодкѣ необходимо пробираться мелкими и не составляющими значительнаго препятствія льдами, то промышленники, находясь въ ней, упираются съ обѣихъ сторонъ въ боковые откосы ихъ и заставляютъ такимъ образомъ лодку скользить впередъ быстро и свободно. Въ носу лодки укрѣплена 12-ти саженная веревка, которая служить для ручнаго протаскиванія лодки, когда плавать вдоль накопившихся ледяныхъ массъ невозможно. Шесть ременныхъ лямокъ по бокамъ служатъ для протаскиванія ея на большихъ разстояніяхъ шестью человекъ, причемъ седьмой толкаетъ ее въ кормовую часть. Лямки же служатъ для сталкиванія въ сборное мѣсто добычи, т. е. кожъ съ саломъ, снятыхъ съ тюленей раушекъ т. е. —остововъ. Въ кормѣ укрѣпленъ стягъ, т. е. палка, къ которой привязывается проплавливаемая за лодкою по водѣ добыча — звѣрь, иногда 50 моржей или тюленей, которые называются здѣсь юрками, а масса ихъ — юро.

Такимъ образомъ, плавая между льдинами, путаясь по громаднымъ ледянымъ массамъ, воземельскіе труженики, запасшись кромѣ того

гарпунами, винтовками, порохомъ, спицами (вилы), выискиваютъ залежи моржей. Къ послѣднимъ они приближаются противъ вѣтра, стараясь, чтобы звѣрь не почуялъ человѣка. Затѣмъ моржамъ «заграждаютъ острогами путь къ краямъ льдины, для чего требуются необыкновенная ловкость и проворство. Заколовъ тѣхъ моржей, которые прежде другихъ хотѣли спастись въ морѣ, промышленники спѣшатъ остальныхъ отбить отъ продушины, обыкновенно дѣлаемой моржами въ центрѣ льдины. Не находя убѣжища, моржи собираются въ кучу, лазятъ одинъ на другаго, съ тѣмъ, чтобы своей теплотой растопить льдину или своею тяжестью проломить ее. Тутъ-то промышленники и бьютъ ихъ дубинками одного за другимъ. Иногда изъ такой залежки добываютъ столько звѣря, что на судахъ своихъ могутъ увезти только ихъ головы и клыки, а шкуру и жиръ покидаютъ на мѣстѣ, или же часть побитыхъ звѣрей оставляютъ на мѣстѣ, а позже, возвратясь съ берега и отыскавъ торосъ, собираютъ остальную добычу». (Свенске, Лепехинъ, Пахтусовъ).

Это самый легкій ловъ. На водѣ моржъ бьется съ остервенѣніемъ. Его бьютъ гарпунами, привязанными наметками къ колу, который вбивается въ ледяную массу. Раненый моржъ

влачить за собою такимъ образомъ и льдину, и промышленника, пока не обезсилѣетъ или не издохнетъ. Иногда моржъ, пробитый острогой, кидается на бой съ охотниками, разбивасть ихъ карбасъ и топить ихъ самихъ. Часто онъ прыгаетъ въ лодку и плыветъ въ ней, въ то время какъ люди, цѣпляясь за края ея, стараются сбить его *носками*. Въ сентябрѣ и концѣ августа промышленники бьютъ моржей въ Карскомъ морѣ, странствуя за ними въ отдаленнѣйшую глушь этого пустыннаго края. Моржъ даетъ охотнику драгоцѣнные клыки, сало (иногда—28 и 30 пудовъ въ одномъ) и шкуру. Ворвань моржовую охотно покупаютъ у насъ иностранцы, и еще въ прошломъ году ея было не мало отпущено за границу. Г. Данилевскій говоритъ, что изъ шкуры одного моржа промышленникъ можетъ нарѣзать ремней на 40 рублей. Клыки этого звѣря цѣнятся нынче въ 1 р. 50 коп. за фунтъ, пара же ихъ вѣситъ иногда 2, 3, а иногда 20 и 50 фунтовъ. Тюленей ловятъ въ промыты (ставныя сѣти), причемъ промышленники нисколько не рискуютъ собою. Ихъ иногда стрѣляютъ и бьютъ просто дубьемъ, и то преимущественно у южнаго острова Новой Земли; изъ нихъ добываются шкура и сало. Первая идетъ на сапоги, башмаки, рукавицы и другія подѣлки. Ею обиваютъ погребцы, сундуки, до-

рожные возки и т. п. Шкуры взрослых тюленей идутъ на подошвы и ремни. Въ Соловецкомъ монастырѣ шьютъ изъ нихъ легкія и мягкія, непромокаемыя рубахи. Бѣлухъ ловятъ здѣсь въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Способы лова иногда тѣ же, что и съ моржами. Чаще же ихъ добываютъ ставными сѣтями. Такъ, когда бѣлуха, гоняясь за мелкою рыбой цѣлыми стадами головъ въ 40, входитъ въ приглубыя становыя бухты, промышленники запираютъ выходъ изъ послѣднихъ сѣтью. Затѣмъ въ самую бухту спускаютъ карбаса и начинается бойня, подобную которой трудно найти гдѣ бы то ни было. Иногда одна бѣлуха доставляетъ жиру на 200 рублей. Также выгодно продается шкура этого звѣря. Впрочемъ, нужно замѣтить, что орудія бѣлужьяго промысла весьма не дешевы, и промышленники рѣдко организуютъ послѣдній за недостаткомъ средствъ для заведенія ставныхъ сѣтей.

Промышленники—поморы и мезенцы ловятъ на Новой Землѣ еще гольцовъ и омулей. Способы лова той и другой рыбы уже описаны нами выше, точно также какъ и очерчена охота на четвероногаго властелина этихъ странъ—ошкуя. Кромѣ того, здѣсь въ кулемы, или ловушки, добываютъ песцовъ и лисицъ и стрѣляютъ оленей.

На стремнинахъ и въ ущельяхъ самыхъ мрачныхъ горъ Новой Земли, также какъ и по всѣмъ каменистымъ берегамъ ея, вьетъ свои гнѣзда—гагка, доставляющая нѣжнѣйшій въ мірѣ пухъ. Эта птица сама выщипываетъ его изъ груди для того, чтобы предохранить отъ холода яйца—въ количествѣ четырехъ или пяти слагаемыхъ ею въ гнѣзда. Легкій, согрѣвающий болѣе мѣха, этотъ пухъ цѣнится здѣсь отъ 6 до 10 рублей за фунтъ. Правда, вполне достаточно на теплое пальто взрослому человѣку двухъ фунтовъ гагачьяго пуха, замѣняющаго мѣхъ и вату. Собираютъ этотъ пухъ промышленники съ величайшими затрудненіями. Ползая по откосамъ скалъ, проваливаясь въ расщелины, вися вдоль отвѣсныхъ обрывовъ на веревкахъ надъ зіяющими внизу бездонными пропастями, они ежеминутно здѣсь рискуютъ жизнью. Разъ согнанная съ гнѣзда, гагка вьетъ его въ другомъ мѣстѣ. Спугнутая отсюда, она устраиваетъ и третье гнѣздо. Сама по себѣ она чрезвычайно вкусна, еще вкуснѣе ея яйца, и неразумные промышленники истребляютъ послѣднія во множествѣ. Кромѣ гапки на Новой Землѣ бьютъ гусей и гагаръ. Тѣ и другіе доставляютъ мясо для соленья и пухъ, выгодно сбываемый въ Архангельскѣ.

Изъ этого краткаго очерка читатель убѣдится, что пустынный и повидимому мертвый континентальный островъ Новая Земля представляетъ выгодное поприще для труда. Царство смерти оказывается такимъ для тѣхъ, кто лицомъ къ лицу съ полярною природой сохраняетъ свои прежнія привычки: ведетъ бездѣятельную жизнь, пьетъ водку. Послѣдняя партія зимовавшихъ тамъ промышленниковъ вернулась цѣлою, потому что она была снабжена всѣмъ необходимымъ; доброкачественною пищею, теплою одеждою, противоцинготными средствами и, кромѣ того, состояла изъ трезвыхъ и здоровыхъ людей. Экспедиціи Литке и Пахтусова и многія другія доказали, что Новая Земля не для всѣхъ является негостепріимнымъ, дикимъ краемъ. Цынги легко избѣжать чисто-плотнымъ, трудолюбивымъ и дѣятельнымъ людямъ, тѣмъ болѣе, что на самой Новой Землѣ на каждомъ шагу растетъ лучшее средство противъ этой ужасной болѣзни — ложечная трава (*Cochlearia officinalis*).

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ знатокъ этой пустыни: «справедливость требуетъ замѣтить, что по благорастворенію воздуха на Новой Землѣ неизвѣстны разныя болѣзни, свойственныя другимъ краямъ,—напримѣръ, горячка. Одержимые ею еще на дорогѣ—выздоров-

ливаютъ по прибытіи на Новую Землю только отъ одной перемѣны воздуха».

Не такъ, значить, страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ. Впрочемъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на Новой Землѣ, даже близъ Желѣзныхъ воротъ можно было бы устраивать постоянныя колоніи. Провести одну зиму или всю жизнь — не одно и тоже. Немудрено отсюда, что попытка селиться здѣсь всегда оканчивалась такъ печально!..

Царство ужаса и смерти! Пустыня, заброшенная въ негостепріимный просторъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, съ громадами своихъ каменистыхъ горъ, съ свѣтлыми щитами своихъ прозрачныхъ озеръ и серебряными битями быстрыхъ рѣкъ — Новая Земля не разъ посѣщалась русскими и иностранными мореплавателями и учеными. Славныя имена Виллоби, Баренца, Ноя, Гудсона, Горна, Фламминга, Вуда, Розмыслова, Поспѣлова, Лудлова, Лазарева, Литке, Пахтусова, Цивольки, Бэра и Мойсеева — невольно приходятъ на память, когда приходится говорить объ этомъ отдаленномъ континентѣ. Всего важнѣе въ этомъ отношеніи были экспедиціи знаменитаго Литке, четыре раза посѣщавшаго островъ. Затѣмъ слѣдуютъ Баренцъ, Пахтусовъ, Бэръ и Циволька. Мы очертили бы ихъ путешествія на Новую Землю,

но статья наша и безъ того приняла слишкомъ обширные размѣры. Скажемъ только, что этотъ пустынный и безлюдный край былъ поприщемъ, гдѣ благородная энергія ученаго и мореплавателя преодолевала не разъ суровое вліяніе мертвящей природы, гдѣ смѣлый изслѣдователь вызывалъ тайны, рискуя жизнью, изъ каменныхъ нѣдръ, изъ глубины промерзшей земли. Сколько смѣлыхъ погибло тутъ въ долгія зимы, погибло одиноко, вдали отъ дорогихъ и милыхъ сердцу людей! Затертые со всѣхъ сторонъ ледяными громадами, умиравшіе при свѣтѣ ворваннаго ночника въ черной избѣ новоземельскаго промышленника, — они улыбались смерти, обогащая науку... Во имя ея они безропотно ложились въ холодныя и ледяныя могилы—въ то самое время, какъ неблагодарная родина, забывая лучшихъ дѣтей своихъ, съ большимъ интересомъ слѣдила за открытіями и изслѣдованіями англичанъ въ Африкѣ и Америкѣ.

Только сѣверная полярная вьюга воетъ и плачетъ надъ этими одинокими черными крестами. Только сполохи разбрасываютъ надъ ними свои золотые вѣнцы... А кругомъ пустыня,—вѣчная безмолвная пустыня,—сторожитъ могилы своихъ благородныхъ мертвецовъ!..

Вы потрудились честно на пользу родины! Пусть примѣръ вашей героической борьбы

будеть намъ свѣтомъ, ярко озаі яющимъ трудные, но ведущіе къ счастью и славѣ пути!..

И сколько такихъ подвиговъ безслѣдно гибнетъ—никому невѣдомыхъ, никѣмъ не прославляемыхъ! Гдѣ лѣтописи этихъ святыхъ жертвъ, гдѣ скрижали, куда занесены эти великія въ своемъ титаническомъ смиреніи имена?.. Гдѣ?..

Увы! Когда наше отечество опомнится и захочетъ воздвигнуть памятники надъ останками благороднѣйшихъ дѣтей своихъ,—вьюга давно сломить кресты ихъ могилъ и сотретъ ихъ убогія насыпи!.. И только неугомонныя волны, съ тѣмъ же вѣчнымъ унылымъ плачемъ, будутъ биться у тѣхъ мѣстъ, которыя освящены жертвами и борьбою нашихъ паломниковъ!

II.

Вайгачь-островъ.

Въ глуши Сѣвернаго Ледовитаго океана, въ тѣхъ малоизвѣстныхъ водахъ, гдѣ только изрѣдка показывается убогая ладья мезенскаго промышленника, да шкуна предприимчиваго норвежскаго китолова, между пустынею Новой Земли и пустынею материка, лежитъ большой, богатый, но почти никому, внѣ предѣловъ Архангельской губерніи, неизвѣстный Вайгачь-островъ. Наши отдаленные предки твердо вѣровали, что здѣсь, въ привольѣ никому недоступныхъ захолустій, живетъ чудное племя, только въ лѣтнее время выходящее на свѣтъ Божій. Зиму, т. е. 8 мѣсяцевъ въ году, оно спитъ безпросыпно во тьмѣ черныхъ пещеръ, въ расщелинахъ, куда не зайдетъ ничто живое, гдѣ даже чайка—этотъ цыганъ сѣверныхъ морей не вьетъ гнѣзда, куда мятель не заноситъ пушистаго бѣлаго снѣга. Теперь мы не вѣримъ въ спящихъ чудовищъ, но больше ли

мы знаемъ объ этой суровой и безлюдной пустынѣ арктическаго пояса? Скандинавскіе поэты островъ Вайгачъ и всѣ прилегающія къ нему страны континента называли однимъ именемъ Іотунгейма, населяя его магами и чародѣями. Наши лѣтописцы, со словъ новгородскаго купца Гурята-Роговича, писали: «Югра же рѣкоша моему отроку:дивно мы находимъ чудо, его же нѣсьмы слышали прежде сихъ лѣтъ, се же третье лѣто поча быти; суть горы зайдуче луку моря имъ же высота яко до небесе и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало и тудѣ молвять и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза и аже кто даетъ имъ ножъ ли или сѣкиру, даютъ скоро противу». Смѣлые новгородскіе чшкунники не останавливаются передъ ужасами невѣдомой пустыни. Въ ихъ разсказахъ часто слышатся ссылки на сѣверное лукоморье (берега Карской земли), а это еще далѣе Вайгача. Затѣмъ извѣстно, что новгородцы не разъ отваживались разыскивать серебряныя руды не только на Новой Зѣмлѣ, но и на Колгуевѣ и на Вайгачь-островѣ. Для отважныхъ купцовъ-разбойниковъ не существовало препятствій; они кидались всюду, гдѣ чуяли прибыль, они изъ

удальства стремились и туда, гдѣ ждали ихъ однѣ опасности. Этимъ пиратамъ дѣвствен-ныхъ пустынь Заволоцкой чуди — Россія обя-зана первыми свѣдѣніями о Сѣверѣ. Они его колонизировали и во всякомъ случаѣ гораздо производительнѣе пользовались его богатства-ми, чѣмъ жалкое и дряблѣе поколѣніе нашего времени.

На Вайгачъ и теперь отправится не всякій промышленникъ.

— Молодецъ-парень, на Вайгачъ-островѣ по-бываль, говорятъ пустозерцы о смѣльчакахъ, осмѣливающихся пробраться въ эту пустыню.

— На Вайгачѣ побывать—смерть узнать.

— Вайгачъ—горю matka.

— Плачь—коли пошелъ на Вайгачъ, значить счастливъ—коль вернулся живъ.

Даже самоѣды, легко выносящіе цѣлые го-ды одинокаго странничества по пустынямъ, прилегающимъ къ рр. Коротанхѣ, Пай и Осо-ваяга, неохотно рѣшаются перебраться на зим-ній промыселъ черезъ Югорскій шаръ въ ска-листыя пространства лежащаго по ту сторону острова. Правда, на сосѣдномъ берегу конти-нента пустозерцы и ижемцы выстроили нѣ-сколько промысловыхъ избушекъ, но далѣе они не часто ходятъ, развѣ явится какая ни-

будь разудалая голова, которой все трынть-трава, жизнь—копѣйка, а море по колѣно.

Одинъ изъ такихъ промышленниковъ, посѣщавшій западный берегъ Вайгача, восторженно описывалъ его эффе́ктыя картины. Онѣ были бы похожи на описанные уже нами пейзажи Новой Земли, если бы здѣсь не поражали внезапные и неожиданные контрасты едва замѣтныхъ, сливающихся съ волнами океана отмелей и громадныхъ, словно цѣлыми грудами, въ безпорядкѣ, однѣ на другія наброшенныхъ скалъ. Иногда цѣлый рядъ такихъ утесовъ, словно зубцы чудовищнаго гребня, далеко вдается въ море, образуя узкую, но длинную линію, называемую на мѣстномъ арго—хвостовина. Море неугомонно бьется между этими зубцами, подмывая и безъ того тонкія ихъ основанія. Въ одномъ мѣстѣ такая хвостовина напоминаетъ правильный рядъ позвонковъ какого-то миѣическаго звѣря. Иногда берегъ тянется передъ мореходомъ мягкоочерченными, но безплодными холмами. Они становятся все выше и сумрачнѣе, и, наконецъ, вдругъ развертываютъ поразительно эффе́ктную картину отвѣснаго и гладкаго каменнаго обрыва, на громадную высоту поднимающагося изъ вѣчной толчеи пѣнящихся волнъ. Черныя расщелины и трещины, какъ невѣдомыя

письмена гигантовъ, чернѣютъ на этой вертикальной скрижали, сіяющей во время заката, словно громадная золотая доска, раскалившаяся въ огнѣ и поставленная посреди розоваго, яркимъ сіяніемъ зари охваченнаго океана. Внизу волны выбили цѣлыя ряды черныхъ пещеръ; входъ въ нихъ почти заросъ морскою травою, но когда вѣтеръ отпахнетъ эту живую завѣсу въ сторону, передъ вами явится такая адская щель, что вы съ ужасомъ уйдете отсюда къ болѣе гостепріимнымъ берегамъ. Одинъ изъ промышленниковъ видѣлъ, плывя мимо, разбитое бурею и брошенное въ такую черную дыру, судно. Экипажъ окликалъ его—отвѣта не было. Только волны глухо шумѣли, вбѣгая въ сіяющую пасть пещеры. Были-ли тамъ люди?—Едва ли. Море давно своими водорослями оцѣпило корпусъ этой шкуны. Если тамъ кто-нибудь и оставался въ моментъ крушенія, то его или смыло водою, или онъ умеръ болѣе ужасною, голодною смертію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега видны полукружія стоящихъ рядомъ и ровныхъ, съ плоскими вершинами скалъ. Глядя на нихъ, невольно приходитъ въ голову сравненіе съ гигантскою челюстью. А тамъ, гдѣ берега сливаются съ океаномъ низменными мелями, туда приступить еще опаснѣе. Того и гляди, что попадешь на мель.

Зато здѣсь же есть и бухты, гдѣ во время самыхъ ужасныхъ штормовъ царить невозмутимое спокойствіе, и подѣ защитою каменныхъ массъ — море остается недвижно, какъ ясное зеркало. Шкуна, заштильвшая посреди такой бухты, можетъ считать себя совершенно безопасной.

— Съ оглядкой плывемъ, ежечасно поминая Господа, Христа милосердаго. Не доглядишь, и читай со святыми упокой. Такое мѣсто, въ емъ, въ этомъ мѣстѣ разуму нѣтъ. Воронкой на дно и пойдешь.

— Водовороты, вѣрно?

— По нашему сувой. И море покойно, а попадешь на эту точку — разомъ завертитъ. Оно издали видно. Округомъ лежитъ, словно кто его край бороздой провелъ. Енъ шутить не любить. Енъ на одно шкуны присасывается...

— Кто онъ?

— Извѣстно... нечистъ... Ей въ этихъ суво-яхъ — нерушимое царство. Кто какъ ежели, да безъ молитвы — бѣда. Опять ежели непочтительнъ кто къ ей — тоже не любить. Енъ — нечистый — нравственный, сила ему дана губить христіанскія души, онъ это и чувствуетъ. Ты и понимай, и остерегись, ежели что. Присосет-ся — на дно притянетъ, къ себѣ...

Таковы окраины этой пустыни, простирающейся въ длину до 150 и въ ширину до 40 верстъ. Вся ея площадь составляет около 8000 кв. верстъ. Нѣкоторые географы умаляли почти на $\frac{3}{4}$ размѣры этого острова, но рассказы мезенскихъ промышленниковъ и норвежскихъ китолововъ даютъ возможность добыть болѣе точные факты. Географическое положеніе Вайгача опредѣляется $69^{\circ}21'$ и $70^{\circ}5'$ сѣверн. широты и $70^{\circ}10'$ и $78^{\circ}9'$ вост. долготы (отъ Ферро). Онъ составляетъ среднее звено громаднаго хребта, начинающагося въ южныхъ отрогахъ Урала и оканчивающагося на крайнемъ сѣверѣ конечнымъ мысомъ Новой Земли. Впрочемъ, нѣкоторые идутъ еще далѣе, утверждая, что отъ Новой Земли вплоть до Груманта *) тянется по дну океана тотъ же хребетъ. Вся эта горная цѣпь прерывается только въ трехъ мѣстахъ: Корсаемъ или Карскими (Желѣзными) воротами, Югорскимъ шаромъ и Маточкинымъ шаромъ). По дну этихъ проливовъ отъ Вайгача на сѣверъ къ Новой Землѣ и отъ него же на югъ къ континенту тянутся каменистыя подводныя гряды соединяющія между собою эти звенья колоссальнаго Урала. Поразительную картину представляетъ Корсай **)

*) Грумантъ—Шпицбергенъ.

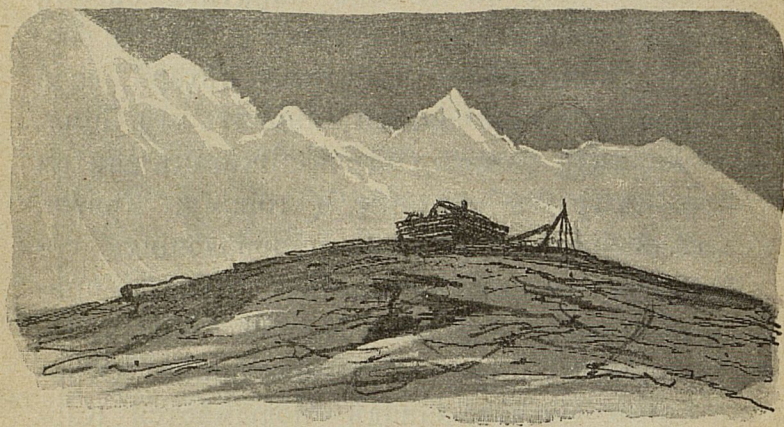
**) Корсай отдѣляетъ Новую Землю отъ Вайгача.

проливъ въ 68 верстъ длины и отъ 20 до 80 футовъ ширины *). Въ этихъ узкихъ дефилеяхъ вода иногда мчится съ невыразимою быстротою. Теченіе такъ стремительно, что Желѣзные ворота никогда не замерзаютъ. Громадныя льдины, заносимыя сюда изъ океана западными и сѣверо-западными вѣтрами, крошило вдребезги. Одинъ промышленникъ самоѣдъ, зимовавшій на крайней оконечности Вайгача, ближайшей къ Новой Землѣ, съ ужасомъ рассказывалъ о борьбѣ громадной ледяной массы съ теченіемъ Карскаго пролива. Ее несло какъ гигантскую гору и, въ самомъ узкомъ мѣстѣ-опрокинувъ, смолело почти моментально. Мезенскій звѣроловъ говорилъ мнѣ (насколько можно этому вѣрить?), что во время самаго сильнаго, видѣннаго имъ, теченія громадный стволъ лиственницы, вынесенный въ океанъ какою-нибудь рѣкою континента, раздробило въ щепу только силою воды. Впрочемъ, такое теченіе бываетъ не особенно часто. Его промышленникъ переживаетъ въ одной изъ бухтъ Кусовой земли. Другой южный проливъ—Югорскій шаръ—гораздо шире. Его считаютъ въ 45 верстъ длины и въ 15 верстъ ширины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и онъ, впрочемъ, суживается до 3 верстъ. Плаваніе по

*) Разумѣется, это только въ болѣе узкихъ мѣстахъ.

Югорскому шару было бы безопасно, если бы на немъ не было двухъ совершенно противоположныхъ теченій, одновременно стремящихся: первое вдоль континента изъ океана въ Карское море и второе вдоль Вайгача изъ Карскаго моря въ океанъ. Фарватеръ при этомъ опредѣляется весьма неточно. Не говоря уже о рифахъ, усѣивающихъ его, корабль легко можетъ попасть въ теченіе обратное своему кругу, и тогда его не выручатъ и паруса; развѣ ужъ очень силенъ попутный вѣтеръ, если какъ-нибудь ему и удастся миновать эту Сциллу и Харибду съвера. Островъ Вайгачъ внутри сплошь покрытъ скалами и горами. Кряжи, пересѣкающіе его во всѣхъ направленіяхъ, состоятъ изъ каменныхъ стержней, едва-едва прикрытыхъ скудной почвой. На югѣ тянутся Пѣтушки—высокіе гребни, окаймляющіе Югорскій шаръ. На юго-западѣ—подымается Карповскій камень. Самыя высокія горы здѣсь—Осьминкинскія. Это цѣпь высокихъ конусовъ, проходящихъ внутри острова. На голыхъ «плѣшкахъ» ихъ вершинъ часто возносятся фантастическіе четырехугольные и круглые утесы, напоминающіе издали развалины замковъ и обломки колоннъ. Они рѣзко отдѣляются отъ голубого фона неба, рисуясь передъ глазами наблюдателя во всей своей величавой наготѣ,

незагромождаемые верхушками лѣсныхъ деревьевъ или грудями осыпавшагося щебня. Самоѣды смотрятъ на эти горы съ суевѣрнымъ ужасомъ, считая утесы ихъ вершинъ сѣдалищами невидимыхъ, но грозныхъ духовъ. Вообще для этихъ номадовъ нашего Сѣвера—островъ Вайгачъ былъ нѣкогда громаднымъ храмомъ, гдѣ совершались всѣ таинства ихъ язы-

ческаго и малопонятнаго культа. Впрочемъ, объ этомъ ниже.

Намъ удалось слышать въ Архангельскѣ рассказъ о партіи промышленниковъ, заблудившихся посреди этихъ горъ зимою. Они на берегахъ Лямчинской губы выстроили себѣ станovou избу и разошлись въ разныя стороны, позабывъ маточку, т. е. компасъ. Настала ночь, ни одинъ изъ нихъ не возвращался. Оставшійся въ ста-

новищѣ ихъ товарищѣ стрѣляль на воздухъ, зажигаль костры—ничто не помогало. Никто не приходилъ на огонь и выстрѣлы. Нѣсколь-ко самоѣдовъ, пробиравшихся съ своими оленями вдоль морского берега, наткнулись на избенку. Войдя туда, они нашли полумертваго парня, второй уже день ничего неѣвшаго и не раскладывавшаго огня. Самоѣды выпросили все, что тотъ зналъ, и отправились на розыски. Трое изъ промышленниковъ нашлись замерзнувшими въ разныхъ положеніяхъ. Они заблудились у Лямчинскаго камня въ собственныхъ своихъ слѣдахъ. На другой день еще отъ одного отыскались кровавые слѣды и остатки изодранной одежды. Этотъ, вѣроятно, попалъ на встрѣчу ошкую (бѣлому медвѣдю)—совершенно безоружнымъ. Двое пропали безслѣдно, и кости ихъ, навѣрно, до сихъ поръ бѣлѣютъ гдѣ-нибудь на голыхъ скалахъ этого острова. Теперь на Вайгачѣ постоянно живутъ самоѣды, и островъ этотъ доставляетъ имъ обильныя средства къ жизни. При нѣкоторыхъ условіяхъ и русскіе могли бы поселиться тамъ, если бы не общая вѣра въ неминуемую гибель, какая ждетъ всякаго промышленника, осмѣливающагося пробыть здѣсь хотя одну зиму. Правда, Вайгачъ крайне непривлекателенъ даже для неприхотливаго пустозерца или ижем-

ца, но дѣло вѣдь не въ красотѣ страны, а въ ея естественныхъ богатствахъ.

Растительность острова ничтожна. Передъ вами просторъ—неоживляемый яркими цвѣтами, свойственными даже и альпійской флорѣ. На склонахъ горъ—ковры однообразнаго ягеля устилаютъ скудную почву, перемежаясь съ приземистымъ ивнякомъ, поднимающимся на солнечномъ припекѣ до 7 и 8 футовъ высоты. Въ понизьяхъ, пропитанныхъ влагою, болотная трава и зеленый мохъ только и оживляютъ угрюмое величіе этого пейзажа. Близъ юго-западныхъ береговъ—поросль лучше и разнообразнѣе. Тутъ—щавель, дикій лукъ, ложечная трава, ивановъ цвѣтъ, осока, морская капуста (лапуха), морской горохъ, первоцвѣты и даже незабудки. Отсутствіе яркихъ красокъ, подавляющая тишина производятъ тяжелое впечатлѣніе и на привычнаго къ мертвому сѣверу островитянина. Мысль перестаетъ работать, сонливое спокойствіе и равнодушіе ко всему охватываютъ душу. А зимою, когда вся окрестность устлана бѣлою пеленою снѣга и только черные утесы поднимаются изъ этой однообразной массы—еще тяжелѣе, еще невыносимѣе. Уйти некуда. Вплоть до лѣта оставайся, лицомъ къ лицу—съ этимъ царствомъ смерти, гдѣ одна только вьюга нарушаетъ дикимъ

воемъ и грохотомъ мрачное могильное молчаніе непривѣтливой природы.

— На Вайгачѣ,—разсказывалъ мнѣ ижемецъ, встрѣченный на ярмаркѣ въ Архангельскѣ,—только разъ попалъ я на мѣсто сплошь поросшее цвѣтами. Бывали дни, когда только и встрѣтишь что щепоть травки, да и то треплется она изъ камня, сухая да желтая.. Богомъ проклятый край.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ на Новой Землѣ были открыты залежи каменнаго угля. Есть основаніе предполагать, что и Вайгачъ не бѣденъ ими—еще одно доказательство иной температуры этого острова въ доисторическія времена. По свидѣтельству самоѣдовъ въ почвѣ здѣсь попадаются мамонтовы кости и клыки, достигающіе иногда одиннадцати футовъ длины. Зато, если эта пустыня бѣдна растительностью, если царство ископаемое дало ей весьма мало, она поразить васъ обиліемъ промысловыхъ звѣрей и птицъ. Въ водахъ, омывающихъ острова, ловятся неводами омули и гольцы, бьютъ бѣлухъ, моржей, морскихъ зайцевъ, лысуновъ, нерпъ и тюленей. Изъ птицъ здѣсь водятся: чайки, гагарки, гагки, нырки сокола, совы, даже орлы. Весною прилетаютъ сюда куропатки и разнаго рода утки (савки, шилохвостики, турпаны), лебеди, гуси, гагары,

и кулички. Это птичье царство, разумѣется, только близъ береговъ. Внутри страны—мертвая глушь, недвижная, неисходная. Тутъ же охотники добываютъ бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ, пеструшекъ и оленей. Здѣсь пропасть волковъ, и царь арктическихъ пустынь—бѣлый медвѣдь властно странствуетъ по громаднымъ пустырямъ Вайгача. Особенно много здѣсь промышляется рыбы, звѣря и птицы лѣтомъ. Съ 8-го мая по 20-е іюля солнце надъ островомъ не закатывается, и тогда-то сюда собираются пустозеры, устьцилемы, ижемцы и самоѣды. Русскіе и зыряне при этомъ ограничиваются одною южною частью острова, не покушаясь проникать на дальній Сѣверъ. Здѣсь ими выстроена часовня, гдѣ они и собирались прежде для молитвы въ праздничные дни.

Норвежскій кептейнъ, побывавшій здѣсь въ прошломъ столѣтіи и знавшій, что Вайгачъ незаселенъ, придумалъ сказку—о невидимыхъ жителяхъ этого острова. Когда онъ плылъ близъ южной оконечности его, то ему слышалась долгая, заунывная пѣсня. Отсюда—преданіе о духахъ, переговаривающихся между собою въ туманахъ осени—пѣснями. Изъ этой легенды скандинавскій поэтъ сдѣлалъ прелестное стихотвореніе. Сказка разрѣшается весьма просто.

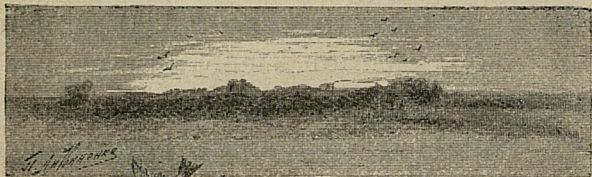
Норвежцу пришлость слышать какую-нибудь мезенскую пѣсню, пѣтую цѣлою артелью промышленниковъ, отдохавшихъ послѣ утомительной работы на суднѣ, укрытомъ въ безопасной бухтѣ утесами и мысами берега. Не это ли же самое послужило основаніемъ для преданія о людяхъ, заключенныхъ въ горѣ и переговаривающихся оттуда? Югра на Вайгачѣ промышляла такъ же, какъ теперь тамъ промышляютъ русскіе. Ушкуйники, проѣзжавшіе мимо скалъ, слышали незнакомыя имъ пѣсни и создали миѡъ объ узникахъ каменныхъ горъ. На островѣ и до сихъ поръ отыскиваются слѣды пребыванія какого-то племени—желѣзные и мѣдныя копья, посуда и др. Извѣстно, что вдоль по теченію р. Печоры, по рр. Колвѣ, Коротанхѣ и др. жило нѣкогда племя пещоры—народъ троглодитовъ, обитавшихъ въ пещерахъ. Пещора была гораздо цивилизованнѣе настоящихъ обладателей тундръ, она знала употребленіе желѣза и мѣди, выдѣлывала изъ этихъ металловъ различные предметы, а въ доисторическія времена, въ свою очередь, истреблена самою дьєю. По всей вѣроятности, и Вайгачъ былъ нѣкогда занятъ какимъ-нибудь отдѣльнымъ родомъ этой, нынѣ исчезнувшей, расы аборигеновъ крайняго Сѣвера.

Вайгачъ для самоѣдовъ долго былъ священнымъ островомъ. Тутъ, на различныхъ пунктахъ, преимущественно же на выдающихся высотахъ береговыхъ скалъ и до сихъ поръ встрѣчаются ихъ идолы. Такіе же деревянные обрубки ставятъ и нынѣшніе самоѣды-промышленники у лисьихъ и песцовыхъ норъ острова Вайгача. Мореходы, особенно же иностранцы, посѣщавшіе эти отдаленные берега, изумлялись, встрѣчая на безлюдѣ группы каменныхъ, деревянныхъ идоловъ, безобразно изсѣченныхъ самоѣдами. Окровавленные жертвенною кровью истуканы, кровь на скалахъ, окружающихъ ихъ, кровью пропитанная почва вокругъ—все внушало ужасъ несвѣдущимъ чужеземцамъ, воображавшимъ, что они попали въ страну каннибаловъ. Дѣло объясняется весьма просто. Самоѣды въ опредѣленные времена года сходились сюда прежде для своихъ общественныхъ богослуженій. Какъ особенно святое мѣсто въ этомъ отношеніи славился мысъ Болванскій—полукруглая каменная масса, далеко выдающаяся въ море на юго-западной оконечности острова. Въ этомъ мысѣ чернѣетъ громадная и глубокая пещера съ двумя выходами: однимъ широкимъ—къ морю и другимъ узкимъ, открывающимся въ вершинѣ утеса. Вихри, врываясь въ пещеру, производятъ въ ней и теперь

оглушительный гулъ, поражающій ужасомъ дикаря, слышащаго въ немъ голосъ своего божества. Тутъ-то самоѣды и поставили свой главный идолъ—*Весакъ*. Онъ былъ деревянный, трехгранный, высокій и тонкій, о семи лицахъ, которыя были вырѣзаны на двухъ отлогихъ гранахъ, одно надъ другимъ; само собою разумѣется, что рѣзьба лица была грубымъ подражаніемъ природы—и то самоѣдской. Щеки у идола вырѣзаны впадинами, съ выдавшимися скулами. Нижняя часть идола оканчивались трехграннымъ остроконечіемъ, которымъ онъ и былъ утверждёнъ въ почвѣ. Въ полокружіи близъ этого главнаго идола поставлено было двадцать средней величины и около 400 маленькихъ деревянныхъ, а за ними, въ разстояніи пятидесяти сажень, 20 каменныхъ однообразныхъ идоловъ. Передъ главнымъ идоломъ плотно набросана была большая груда оленьихъ головъ съ цѣльными рогами и тридцать череповъ бѣлыхъ медвѣдей. Къ оленьимъ рогамъ привѣшаны были топоры, стрѣлы, мѣдныя кольца, пуговицы, гвозди, разноцвѣтные суконные лоскутки и другіе тому подобные дары богамъ. Противъ Болвановскихъ идоловъ на выступкѣ материка тоже находилось 4 каменныхъ и 356 деревянныхъ идоловъ. По сло-

вамъ очевидцевъ, океанійскіе идолы Мораи совершенно похожи на идоловъ самоѣдскихъ.

Въ настоящее время Вайгачъ начинаетъ колонизироваться самоѣдами. Вытѣсняемые безпощадною эксплоатаціею зырянъ изъ своихъ заповѣдныхъ тундръ, они уходятъ въ эти арктическія пустыни, въ безплодные приволья оленьихъ пастбищъ. Царство смерти мало-помалу обращается въ кочевья дикихъ инородцевъ, и тамъ, гдѣ прежде неудержимо ревѣли одни волки, — носится нынѣ самоѣдская нарта и слышатся хриплые крики этихъ суровыхъ нomaдoвъ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

- А. Т.** «Любящая душа». Пер. Перелыгина. Ц. 25 к.
- Бѣлусовъ,** «Въ родныхъ поляхъ». Съ 35 рис. Ц. 20 к.
- » «Птичья стайка». Съ рисунками. Ц. 25 к.
- *) Догановичъ, А.** «Пѣсенка маятника». Съ 36 рис. Ц. 40 к.
- **) Кругловъ, А.** «Жизнь» Разказы. Съ 40 рис. Ц. 40 к.
- » *****)** «Красный звонъ» Сборникъ разказовъ. Ц. 50 к.
- ***)** **Левицкій, П.** «Андрейка Мытарь». Разказъ. Съ 37 рис. Ц. 25 к.
- ***)** **Любичъ-Кошуровъ, І. А.** «Души живыя». Очерки и разказы Съ 22 рис. Ц. 30 к.
- » ***)** «Дядя Вакъ». Разказъ. Съ 30 рис. Ц. 30 к.
- » ***)** «Канарейка». Разказъ. Съ 17 рис. Ц. 20 к.
- » ***)** «Ворона и ея знакомые». Съ 45 рис. Ц. 40 к.
- » *****)** «Ничипоръ Бородай». Съ 23 рис. Ц. 30 к.
- » «Картинки современной жизни». Съ 37 рис. Ц. 35 к.
- » «Рыцарь большого меча». Ц. 30 к.
- » «На зарѣ». «Сонъ въ руку». Ц. 20 к.
- » «Пѣтухъ Османка». Съ рисунками. Ц. 25 к.
- **) Поливанова, Е.** «Находка». Разказъ. Изд. 3-е. Съ 18 рис. Ц. 25 к.
- **) Перелыгинъ, Н. И.** «Божья мысль». Разказъ изъ украинскаго быта. Съ 25 рис. Изд. 2-е. Ц. 30 к.
- » ***)** «Черевички». Повѣсть. Съ 21 рис. Ц. 20 к.
- » *****)** «Неожиданный гость». Съ 11 рис. Ц. 20 к.
- » «Рыбакъ и его дочка». Ц. 25 к.
- *)** Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета М. Н. Пр. допущены въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ таковыя же младшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.
- **) Особ. Отд. У. К. М. Н. Пр.** допущены въ ученическ. библ. низшихъ училищъ и въ бесплатн. народ. чит. и библіотеки.
- ***)** Особ. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущены въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. «Филимоша». Съ 22 рис. Ц. 30 к.

Тепловъ. «Голубятники». «Аранка». Ц. 30 к.

***) **Федоровъ-Давыдовъ, А. А.** «Заячье счастье». Разказы.

Съ 33 рис. Ц. 25 к.

***) **Юрѣва, М.** «Юный работникъ». Съ 12 рис. Ц. 25 к.

» «Приключенія Арси». Съ 12 рис. Ц. 25 к.

» «Въ ожиданіи лучшаго». Ц. 30 к.

» «Въ лодкѣ, безъ весла». Ц. 20 к.

Исторія одного котенка. Разказъ. Пер. Н. Поливановой. Съ 67 рис. Ц. 40 к.

Сиротка-Маруся. Разказъ. Пер. Перелыгина. Съ 21 рис. Ц. 25 к.

Жизнь на волѣ. Разказы изъ естественной исторіи. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 31 рис. Ц. 30 к.

*) **Въ своемъ гнѣздышкѣ.** Разказы изъ естественной исторіи. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 34 рис. Ц. 30 к.

Лѣтней порою. Сцены изъ жизни птицъ, насѣкомыхъ и растений. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 30 рис. Ц. 30 к.

*) **Былое.** Разказы. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 30 рис. Ц. 30 к.

*) **Огоньки.** Разказы. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 27 рис. Ц. 30 к.

Отголосочки. Разказы. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 28 рис. Ц. 30 к.

*) **А. Кругловъ,** «Пальмовая вѣтвь». Сборникъ разказовъ и стихотвореній. Съ 35^ю рис. Ц. 60 к.

Р. Кипплингъ. Три разказа изъ книги Дебрей. ¹⁾ «Братъ волковъ», ²⁾ «Похищеніе лягушенка», ³⁾ «Тигръ! Тигръ». Пер. В. Кошевичъ. Ц. 50 к.

» **Два разказа** изъ книги Дебрей. ¹⁾ «Бѣлыйтю лень», ²⁾ «Рикки-Тики-Тави». Перев. В. Кошевичъ. Ц. 30 к.

» **Два разказа** изъ книги Дебрей. ¹⁾ «Слоновій Ту-май», ²⁾ «Слуги Крелевы». Перев. В. Кошевичъ. Ц. 30 к.

) **Жебаръ. Пія и Викторинъ Историческая повѣсть изъ временъ борьбы императоровъ съ папами. Пер. Кошевичъ. Съ рисунками. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

*) Особ. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущены въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ, въ таковыя же младшаго возраста бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

**) У. К. М. Н. Пр. допущена въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

***) О. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущ. въ бесплатн. народ. чит. и бібліотеки.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. «Мститель». Ц. 5 к.

» ****) «Бѣлый витязь». Ц. 1 р.

» *****) «Чудныя страны и простые люди». Ц. 1 р.

» Разказы о Божьей правдѣ. Ц. 75 к., въ пап-
кѣ 1 р.

» «Застрѣлился». Ц. 5 к.

» «Счастье Ивана-Непомнящаго». Ц. 15 к.

» «Заклеваемый воробей». Ц. 8 к.

» «Лопь Бѣлоглазая. Ц. 50 к.

***) **Черскій**, «Приключенія Джами». Съ 34 рис. Ц. 30 к.

Цвѣтковъ, «Дмитрій Донской и Сергій Радонежскій». Ц. 35 к.

***) **Шахновскій**. «Черная прорубь». Ц. 5 к.

» «Худой талантъ». Ц. 8 к.

Перечисленные книги для дѣтей изданы на хорошей бумагѣ со множествомъ оригинальныхъ рисунковъ, тщательно отпечатаны и по своей дешевизнѣ могутъ служить хорошимъ и недорогимъ подаркомъ для дѣтей, вполне замѣняя дорогія изданія.

****) О. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущ. въ ученичesk. библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

*****) О. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущена въ ученичeskія библіотеки городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

ПЕЧАТАЮТСЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ, НАРОДА, ШКОЛЪ И ВОЙСКЪ.

Немировичъ-Данченко, «Черный рыцарь».

- » «Богъ простить».
- » «Соловьиная ночь».
- » «Старый фельдфебель».
- » Очертя голову (На краю гибели).

Перелыгинъ Добрыя дѣти.

- » Морозенко. Передъ съ малор. пов. Мирнаго.
- » Записки пятнадцатилѣтняго гимназиста.
- » Еремѣй.
- » Поиски истины.
- » Сиротки.

Радичъ. Богданъ Хмѣльницкій.

- » По Абиссиніи.

Сысоевъ, В. Морскія чудовища.

Юрѣва, М. «На возморѣ».

- » «На полянкѣ лѣсной».
- » «Разсказъ изъ прошлаго».
- » «Въ морѣ житейскомъ».

Любичъ-Кошуровъ І. А. «Пѣтухъ Османка».

Сѣверцевъ (Палиловъ). «Близкое и далекое».

- » Трошка.

Шахновскій. «Отъ добра добра не ищутъ».

- » Разсказы Москвича.
 - » Буренушка.
-

***)) Юрьева, М. «Юный рабочий». Съ 12 рис. Ц. 25 к.

» «Приключенія Арси». Съ 12 рис. Ц. 25 к.

» ***)) «Въ ожиданіи лучшаго». Ц. 30 к.

» «Въ лодкѣ, безъ весла». Ц. 20 к.

Исторія одного котенка. Разсказъ. Пер. Н. Поливановой. Съ 67 рис. Ц. 40 к.

Сиротка-Маруся. Разсказъ. Пер. Перелыгина. Съ 21 рис. Ц. 25 к.

Жизнь на волѣ. Разсказы изъ естественной исторіи. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 31 рис. Ц. 30 к.

*) **Въ своемъ гнѣздышкѣ.** Разсказы изъ естественной исторіи. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 34 рис. Ц. 30 к.

Лѣтней порою. Сцены изъ жизни птицъ, насѣкомыхъ и растений. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 30 рис. Ц. 30 к.

*) **Былое.** Разсказы. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 30 рис. Ц. 30 к.

*) **Огоньки.** Разсказы. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 27 рис. Ц. 30 к.

Отголосочки. Разсказы. Собралъ Н. И. Перелыгинъ. Съ 28 рис. Ц. 30 к.

Р. Кипплингъ. Три разсказа изъ книги Дебрей. 1) «Братъ волковъ», 2) «Похищеніе лягушенка», 3) «Тигрь! Тигрь». Пер. В. Кошевичъ. Ц. 50 к.

» Два разсказа изъ книги Дебрей. 1) «Бѣлый Тюлень», 2) «Рикки-Тики-Тави». Перев. В. Кошевичъ. Ц. 30 к.

» Два разсказа изъ книги Дебрей. 1) «Слоновій Тумай», 2) «Слуги Королевы». Перев. В. Кошевичъ. Ц. 30 к.

) **Жебаръ, Пія и Викторинъ. Историческая повѣсть изъ временъ борьбы императоровъ съ папами. Пер. Кошевичъ. Съ рисунками. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. «Метитель». Ц. 5 к.

» ****) «Бѣлый витязь». Ц. 1 р.

» ****) «Чудныя страны и простые люди». Ц. 1 р.

» Разсказы о Божьей правдѣ. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р.

» «Застрѣлился». Ц. 5 к.

» «Счастье Ивана-Непомнящаго». Ц. 15 к.

» «Заклеванная воробей». Ц. 8 к.

» «Лопь Бѣлоглазая». Ц. 50 к.

***)) **Черскій,** «Приключенія Джаміи». Съ 34 рис. Ц. 30 к.

» «Дѣтство Карла Линнея». Съ рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Сѣверцевъ (Полиловъ). «Переподохъ». Два разсказа. Съ рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Цвѣтковъ, «Дмитрій Донской и Сергій Радонежскій». Ц. 35 к.

***)) **Шахновскій.** «Черная прорубь». Ц. 5 к.

» ***)) «Худой талантъ». Ц. 8 к.

» «Кузнецъ Макаръ». Ц. 3 к.

Перелыгинъ, Н. И. «Еремѣй». Ц. 6 к.

Перечисленные книги для дѣтей изданы на хорошей бумагѣ со множествомъ оригинальныхъ рисунковъ, тщательно отпечатаны и по своей дешевизнѣ могутъ служить хорошимъ и недорогимъ подаркомъ для дѣтей, вполне замѣняя дорогія изданія.

*) Особ. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущены въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ таковыя же младшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

**) У. К. М. Н. Пр. допущена въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

)) О. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущ. въ бесплатн. народ. чит. и библіотеки. *)) О. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущ. въ ученическ. библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

*****)) О. Отд. У. К. М. Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Любичъ-Кошуровъ. «Приключенія стрекозы, рассказанныя ею самою».

» «Кузнецы и кузнечики».

» «Въ подпольѣ».

» «Пещера крота».

» «Въ лопухахъ».

Маминъ-Сибирякъ. «Постойко».

» «Пріемышъ».

» «Малиновыя горы».

» «Васька-Забалуй».

» «Исповѣдь».

» «Конь „Разбойникъ“».

» «Савка».

» «Горой».

» «Старый воробей».

Немировичъ-Данченко. «Очертя голову». (На краю гибели).

» «Черный рыцарь».

» «Богъ проститъ».

» «Соловьиная ночь».

» «Старый фельдфебель».

Осиповъ А. «Бобыль». Истор. повѣсть XVI вѣка.

Перелыгинъ. «Сиротки».

» «Три разсказа».

» «Поиски истины».

» «Записки пятнадцатилѣтняго гимназиста».

» «Добрыя дѣти».

» «Приключенія одного воробушка».

Радичъ. «По Абиссиніи».

Сысоевъ, В. «Морскія чудовища».

Сѣверцевъ (Полиловъ). «Трошка».

Черскій. «Дѣтскіе годы Шиллера».

Юрѣва, М. «На возморѣ».

» «На полянкѣ лѣсной».

» «Разсказъ изъ прошлаго».

» «Въ морѣ житейскомъ».

2007465975